

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №61

КЕМЕРОВО 2019

12 августа 2019
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 12.08.2019 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОГЛАСОВАНИЯ ДОГОВОРОВ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА.....3	
Кириловский В.А.	
2. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА КРИПТОВАЛЮТЫ ПРИ БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ..... 7	
Макаренко Д.С.	
3. РЕЖИССЕР МОНТАЖА КАК СУБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ.....9	
Макаренко Д.С.	
4. ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ.....11	
Султанова В.В.	
5. ПОСМЕРТНОЕ НАКАЗАНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКИХ КАЗНЕЙ.....14	
Петренко М.	
6. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНТЕРВЕНЦИЮ В ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....23	
Кашникова М.Е.	
7. ХАРАКТЕРНЫЕ ТРАВМЫ ВОДИТЕЛЯ ЛЕГКОВОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПРИ ДТП..... 27	
Сергеева О.В.	
8. ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК: ЦЕЛИ, ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ..... 31	
Лакеева А.А.	
9. ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ..... 34	
Мирзоева Э.Р.	
10. РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 3.В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 37	
Кузнецов А.П., Кузнецов П.А.	

Кириловский Владимир Александрович
Kirilovsky Vladimir Alexandrovich

Юрист группы компаний «СИТИФЭЙС», г. Новосибирск
E-mail: aval-nsk@yandex.ru

УДК 347.454.31

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОГЛАСОВАНИЯ ДОГОВОРОВ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

SOME ASPECTS OF AGREEMENT OF CONSTRUCTION AGREEMENTS

Аннотация: Автор статьи раскрывает некоторые тонкости согласования договора подряда с позиции слабой стороны в договоре – позиции подрядчика.

Annotation: The author reveals some of the subtleties of the contract agreement from the position of the weak side in the contract – the position of the contractor.

Ключевые слова: подрядчик, договор строительного подряда, техническая документация, строительная готовность.

Keywords: contractor, construction contract, technical documentation, construction readiness.

Безусловно, одним из важнейших направлений деятельности юриста, особенно состоящего в штате организации, является ведение договорной работы с контрагентами, заключающейся в разработке шаблонов договоров, детального изучения заключаемых договоров, анализ содержащихся в них прав и обязательств, выработка позиции относительно спорных моментов, принятие мер по согласованию возникших разногласий, непосредственно заключение договора. Не вдаваясь в теоретические основы этой деятельности и не выделяя каких-либо этапов в договорной работе, обозначим несколько важных на сегодняшний день моментов, влияющих как на достижение целей строительного подряда, так и на расстановку сторон при производстве работ, их возможности и реальные действия.

Согласно ч. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Опираясь на принципы гражданского права, стороны в договорных отношениях должны соблюдать равноправие, справедливость и добросовестность.

Пренебрежение и игнорирование основных начал гражданского законодательства приводит к тому, что мы сталкиваемся с такими договорами, условия которых можно смело назвать «кабальными» для стороны либо несправедливыми (что, в сущности, одно и то же). Увы, экономическая ситуация в стране диктует иные правила игры, и порой юрист не всегда может повлиять на решение руководителя организации (совета директоров). Договор заключается даже на невыгодных условиях. Однако задача юриста в таком случае состоит в том, чтобы минимизировать риски при заключении таких договоров, защитить интересы представляемой стороны, поставить противовес для создания баланса прав и обязательств сторон договора и их ответственности.

Рассмотрим ряд моментов позиции подрядчика в договорных отношениях с заказчиком, как наиболее слабую и уязвимую сторону.

Совершенно очевидно, что для заказчика важнейшим условием договора подряда является срок выполнения подрядчиком своих обязательств, проще говоря, срок окончания производства работ. В последнее время заказчик то ли по причине стимуляции подрядчика, то ли по причине его устрашения, включает в договор столько пунктов ответственности, что порой не замечает о наличии при этом двойной, а то и даже тройной ответственности за нарушение одного и того же обязательства. Когда процесс согласования договора в этой части сводится в тупиковое положение, и заказчик не идет на уступки, необходимо сбалансировать меру ответственности, качнув чашу весов справедливости в свою сторону. «Отзеркалить» ответственность подрядчика и возложить на заказчика подобные санкции, как показывает практика, не имеет эффективности и положительного результата.

В силу ч. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида,

а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Исходя из положений ст. 740 ГК РФ, существенными условиями договора подряда являются предмет договора и сроки выполнения работ. По заявлению одной из сторон (как указано выше) какое-либо условие может стать существенным, по которому необходимо достигнуть соглашения.

Важнейшим условием для подрядчика является наличие на объекте реальной возможности производить работы. Чаще всего в договорах употребляются такие термины, как «строительная готовность» или «фронт работ». В основной своей массе в готовых шаблонах заказчиков об этом нет ни слова. Это, якобы, и так подразумевается ст. 740 ГК РФ («...создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ...»), ст. 747, 750 ГК РФ. Однако в последнее время подрядчик вменяет заказчику обязанность по своевременной передаче строительной готовности (фронта работ). В этом есть зерно разумности: нет условий для производства работ – нет производства работ. Не стоит идти на поводу у заказчика, а следует настоятельно продвигать эту обязанность в договор.

Более того, рекомендуется подрядчику оставить за собой право приостановки работ из-за отсутствия строительной готовности (фронта работ) и переноса срока окончания работ по этой причине на соответствующее количество дней. Хотелось бы отметить, что чаще всего (даже при наличии такого права в договоре) подрядчики ввиду отсутствия строительной готовности (фронта работ) не используют свое право на приостановку работ по этой причине. Противоположная сторона спора в судебном разбирательстве непременно воспользуется данным аргументом и заявит, что надо было в таком случае приостанавливать работы. Однако судебная практика говорит об обратном: продолжение работ подрядчиком при наличии оснований для их приостановления в силу ст. 719 ГК РФ само по себе не исключает возможности применения судом положений ст. 404 ГК РФ для определения размера ответственности при наличии вины кредитора (Постановление Президиума ВАС № 5467/14 по делу № А53-10062/2013).

Заказчик может при этом воспротивиться внесению в договор такой поправки, как приостановка работ ввиду отсутствия строительной готовности (фронта работ). Его позиция основывается на вышеперечисленных статьях ГК РФ и, плюс к этому, еще и ст. 716 ГК РФ, дающая, якобы, такое право подрядчику. Однако следует помнить о том, что нормы ГК РФ всегда имели и имеют общие рамки и направления действия сторон в договорных отношениях. Единственным способом конкретизировать их, тем самым привести их к единому пониманию и толкованию, является договор подряда, особенно тщательно отработанный всеми сторонами.

При возникновении конфликтной ситуации, когда она доходит до судебных инстанций, все нормы ГК РФ в части наличия/отсутствия и передачи строительной готовности (фронта работ), приостановки работ в связи с этим, при отсутствии конкретизации этих моментов в договоре, приводят к длительным судебным разбирательствам, спорам и толкованиям, результат которых не всегда будет положительным для сторон и удовлетворяющим принципам гражданского законодательства.

Следует отметить, что законодательно определения «строительной готовности» и «фронта работ» не закреплены ни в ГК, ни в Градостроительном кодексе РФ, ни в отдельных актах органов исполнительной власти. Сама по себе строительная готовность, например, определяется как соотношение сметной стоимости фактически выполненных работ к сметной стоимости строительства объекта. И строительная готовность, в ее общем понятии, выражается в процентном соотношении. Другими словами заказчик всегда может передать строительную готовность подрядчику, если тот требует по договору ее передачи, и последний не вправе ее не принять. То же применимо и к передаче фронта работ. Понимается, что фронт работ – это некая плоскость объекта или часть объекта в виде отдельного помещения, этажа, предназначенные для производства работ. В подобном понимании заказчик всегда может смело по акту передать фронт работ подрядчику.

Дабы избежать негативных последствий из всего вышесказанного, видится такой способ, как уточнение применяемых терминов и положений договора подряда. Возможно, например, применить такие формулировки:

1) «Заказчик обязуется в течение 2 (двух) рабочих дней с момента подписания договора передать подрядчику по акту фронт работ, если при этом строительное основание объекта соответствует проектной (рабочей) документации и/или геодезической съемке объекта. При отсутствии такого соответствия подрядчик вправе не приступать к производству работ и перенести срок окончания работ на соответствующее количество дней»;

2) «Заказчик обязуется за 3 (три) рабочих дня до начала отдельных этапов (видов) работ передать подрядчику по акту строительную готовность, которая позволяет подрядчику приступить к производству определенных договором работ. При наличии в строительной готовности несоответствий фактической обстановки проектным решениям подрядчик вправе приостановить работы на объекте до полной передачи ему строительной готовности и перенести сроки производства работ на соответствующее количество дней».

Из приведенных выше примерных формулировок мы видим взаимосвязь строительной готовности (фронта работ) с проектной (рабочей) документацией. Это еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание юристов при согласовании проектов договоров и их подписании.

Согласно ч. 1, 2 ст. 743 ГК РФ подрядчик обязан осуществлять строительство и связанные с ним работы в соответствии с технической документацией, определяющей объем, содержание работ и другие предъявляемые к ним требования, и со сметой, определяющей цену работ. Договором строительного подряда должны быть определены состав и содержание технической документации, а также должно быть предусмотрено, какая из сторон и в какой срок должна предоставить соответствующую документацию.

Как правило, стороны определяют наличие проектной (рабочей) документации как составной части технической документации. В соответствии с ч. 2 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой форме и в виде карт (схем) и определяющую архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, реконструкции объектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта. Более расширительное толкование проектной документации, ее состава и требований к ней определяются ГОСТ Р 21.1101-2013: Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации.

Очевидно, что юристу нет необходимости знать все нюансы и тонкости деятельности, которой занимаются только проектировщики и конструкторы. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что касается непосредственно согласования договора и определения прав и обязанностей сторон в части технической документации.

Основной отличие проектной документации от рабочей состоит в том, что первая содержит лишь общую информацию об объекте строительства без конкретизации узлов, конструктивных элементов и, самое главное, без спецификации, на основании которой подрядчик составляет смету для своего договора подряда. Проектная документация необходима для разработки рабочей документации, в состав которой входит и спецификация на материалы. Не имея этого, ни один подрядчик не сможет составить смету. В связи с чем, если у подрядчика есть возможность (соответствующие специалисты, допуск СРО на проектные работы, программное обеспечение) разработать рабочую документацию, то ему стоит вменить в обязанность заказчика предоставить в определенный срок проектную документацию (в некоторых случаях с пометкой о положительном экспертном заключении) и оговорить срок разработки рабочей документации, ее согласования с заказчиком. И только после этого будет правильным и рациональным определять сроки закупки материалов и сроки производства работ.

Если же подрядчик не обладает возможностью разрабатывать рабочую документацию, то в обязанности заказчика должно входить предоставление именно рабочей документации, поскольку проектная документация в таком случае для подрядчика не несет никакой информации, применительно к его видам работ и материалам. Но и в этом случае обратите внимание на наличие срока, в течение которого подрядчик должен изучить рабочую документацию и составить смету, после чего только можно определить сроки производства работ.

Допустимо появление возражений в части, касающейся влияния рабочей документации на сроки производства работ. Вполне справедливое возражение: нельзя заключить договор строительного подряда без согласованных сроков начала и окончания работ. Если стоимость договора можно сделать приблизительной (ч. 4 ст. 709 ГК РФ) и впоследствии ее уточнить, то сроки производства работ должны быть определены в соответствии со ст. 190-192, 708 ГК РФ. Однако влияние рабочей документации, а вернее сказать, той спецификации, которая окажется ее составной частью, все-таки возможно. К примеру, при наличии в спецификации какого-то материала, срок поставки которого значительно отличается от других. Эту особенность надо принимать во внимание при согласовании договора, и предоставить право подрядчику перенести срок по такой причине либо

согласовать с заказчиком замену материала на аналогичный с целью предотвращения срыва срока работ.

При наличии у заказчика обязанности по своевременному предоставлению подрядчику проектной документации для разработки рабочей или рабочей документации для составления сметы дает подрядчику право переносить сроки производства работ при ненадлежащем исполнении заказчиком своих обязательств. Это важный момент, который необходимо отстаивать при согласовании договора.

Зачастую в договорах подряда предоставление проектной документации осуществляется заказчиком либо в день подписания договора, либо по истечению нескольких дней после подписания. Формальный подход к этому моменту приводит к тому, что подрядчик, исходя из буквального толкования договора, получает только проектную документацию и на основании ее выполняет весь комплекс работ. При этом сроки производства работ уже обозначены в договоре, есть цена работ и материалов в составленной смете. Следуют тогда вопросы: как же подрядчик умудрился составить смету, не имея рабочей документации? На основании проектной, в которой нет спецификации на материалы? И когда? Когда уже согласовал с заказчиком сроки производства работ и определил цену?

Конечно же, в нынешнее время действия сторон идут на упреждение юридических процедур: стороны до подписания договора знакомятся с проектной документацией (или уже рабочей при ее наличии), просчитывают стоимость работ и материалов, делают корректировки в цене (как правило, в сторону уменьшения). И только после этого, имея лишь приблизительную стоимость договора, стороны начинают согласовывать договор и подписывать его. Есть несколько иных интерпретаций и моделей согласования таких договоров, которые тоже достойны освещения и огласки с учетом имеющихся и там нюансов. Однако это отдельная тема, справедливо обособленная от данной статьи.

В использовании формального подхода к согласованию указанных пунктов договора, видится огромная ошибка всех лиц, причастных к созданию договора строительного подряда. Подрядчик такими действиями создает себе проблему в будущем, когда уже после начала работ обнаруживаются неточности в переданной ему документации, ошибки в расчетах цены работ и материалов, что неминуемо ведет к срыву сроков производства работ. В этом уже не заинтересован ни подрядчик, ни тем более заказчик.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ ((ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.07.2019) ((с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019))//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 29.07.2019 г.).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018, с изм. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018)//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 29.07.2019 г.).

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: "Градостроительный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 27.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019)//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 29.07.2019 г.).

4. Постановление Президиума ВАС № 5467/14 по делу №А53-10062/2013[Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 29.07.2019 г.).

5. Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации [Электронный ресурс] ГОСТ Р 21.1101-2013//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 29.07.2019 г.).

Макаренко Даяна Сергеевна
Makarenko Dayana Sergeevna

Студент, Томский государственный университет, Томск.

УДК 347.6

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА КРИПТОВАЛЮТЫ ПРИ БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

SOME PROBLEMS OF THE SECTION OF CRYPTOCURRENCY DURING THE DIVORCE PROCESS

Аннотация: Раздел имущества является наиболее проблематичным этапом, как с правовой точки зрения, так и с эмоциональной, во всем бракоразводном процессе. Из покоя веков недобросовестные супруги всячески старались скрыть друг от друга хоть какое-то имущество, но сделать это было достаточно сложно, но с появлением криптовалюты все изменилось. Инвестиции в виртуальные монеты уже стали головной болью для юристов из разных стран.

Abstract: The division of property is the most problematic stage, both from a legal point of view and from an emotional point of view in the whole divorce process. For centuries, unscrupulous spouses have been trying in every possible way to hide at least some property from each other, but it was quite difficult to do this, but with the advent of cryptocurrency everything changed. Investing in virtual coins has already become a headache for lawyers from different countries.

Ключевые слова: семейное право, криптовалюта, бракоразводный процесс.

Keywords: family law, cryptocurrency, divorce proceedings.

Заявление Сатоши Накамото о создании Bitcoin в далеком 2008 году всколыхнуло все мировое сообщество и по факту привело к созданию виртуальной денежной единицы - криптовалюты. Первоначально данный феномен привлек внимание людей узкого круга сфер, но впоследствии о Bitcoin заговорили все. Кто-то считает, что это прорыв технологий, а кто-то, что это новый коридор для обхода законодательства и «рассадник» финансовых преступлений. Не имеет значение, как мы к этому относимся, факт один, криптовалюта прочно вошла в наши жизни. На сегодняшний день насчитывается более 500 видов криптовалюты, а инвестиции в нее насчитывают миллиарды.

Для начала необходимо разобраться, что же это такое криптовалюта. Криптовалюта – это цифровое денежное средство, существование которого основано на криптографическом принципе, созданном на базе технологии блокчейн [1]. В России же криптовалюта не признается денежным суррогатом, чего нельзя говорить о других странах. Вообще, в мире совсем неоднозначен подход к определению правовой природы и легальности криптовалюты. Так, например, в некоторых странах криптовалюта признается расчетной денежной единицей, а в некоторых же странах действует официальный запрет на ее использование. Если мы говорим о России, то здесь в первую очередь следует упомянуть закон «О цифровых правах», в котором изначально предлагалось ввести статьи о цифровых деньгах, которых не оказалось в принятой редакции закона. Второй закон, который стоит упомянуть это закон «О цифровых финансовых активах», в котором как раз и предполагается поставить точку в этом многолетнем вопросе. Пока данный закон не принят будем исходить из позиции, высказанной судьями девятого арбитражного апелляционного суда, еще в 2018 году, в соответствии с которой криптовалюта была признана «иным имуществом», а следовательно к ней применяются соответствующие нормы законодательства.

С положением криптовалюты в России на данный момент мы определились теперь перейдем непосредственно к сути вопроса. Как бы печально это не звучало, но бракоразводные процессы случаются и случаются часто. В соответствии со ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. В силу того, что, как мы уже выяснили криптовалюта это имущество, то делить в этом случае придется и ее и вот здесь возникает куча проблем.

Во-первых, как известно, свою популярность криптовалюта получила из-за так называемой анонимности. Анонимность криптовалюты обусловлена в первую очередь тем, что для ее приобретения не требуется предоставление каких-либо данных о себе, а данные о покупке нигде не

фиксируются. Возникает вопрос, как доказать наличие криптокошелька, если один супруг осведомлен о его наличии, но не имеет к нему никакого доступа, а второй полностью отрицает наличие у него криптокошелька. Впервые с данной проблемой столкнулись британские юристы. 3 громких бракоразводных процесса, в одном из которых сумма составляла более восьмиста тысяч долларов, показали к чему стоит готовиться. Какие именно подводные камни таит в себе криптовалюта, и какие проблемы она несет в правовую сферу, так как по прогнозам число подобных дел должно лишь неуклонно расти. Даже не смотря на то, что подобных дел еще не так много уже на примере Великобритании видно насколько дорогостоящим выходит процесс. Но также данные дела являются показателем того, что отслеживание криптоконверсий не смотря на свою дороговизну и трудоемкость все же возможны.

Но это первый случай, а вот, что делать, если о наличии криптовалюты второму супругу ничего не известно? Как судья должен узнать о наличии имущества. Здесь ответ очевиден – никак. Здесь сразу становится понятно, что анонимность, за которую так полюбили криптовалюты имеет и противоположную сторону медали, не говоря уже о том, сколько преступлений было совершено при спонсировании этими «анонимными монетами». Здесь уже становится понятным, почему государства стараются придумать хоть какой-то механизм регулирования выпуска и покупки криптовалюты.

Во-вторых, весомой проблемой будет являться волатильность криптовалюты. Если посмотреть курс, допустим, биткоина, ведь именно он пользуется большей популярностью среди населения, то можно ужаснуться от того, как быстро меняется стоимость «виртуальных монет». Причем как подъем, так и падение были на тысячи, а то и на десятки тысяч долларов. Курс может кардинально меняться во время всего бракоразводного процесса, а также отличится от ранее указанных сумм на момент исполнения решения. Ну и не стоит забывать о том, что по сути криптовалюта, ничем кроме проявляемого к ней интереса продавца и покупателя не обеспечена и в один прекрасный момент, как и предполагал Банк России, обрушится как и любая финансовая пирамида.

Ну и, в-третьих, немаловажным является вопрос о том, что делать, если бывшие супруги отказываются исполнять решение суда добровольно. Как в этом случае поступать судебным приставам. Наложение ареста на криптокошельки попросту не представляется возможным, ведь еще одной отличительной чертой криптовалюты является децентрализованность. Децентрализованность подразумевает собой отсутствие какого-либо органа, исполняющего функции регулятора, администратора или управляющего валютой [2].

Таким образом, мы выявили три основные, но далеко не единственные проблемы вызванные появлением криптовалюты в гражданском обороте. Не смотря на то, что в России еще не встречались прецеденты бракоразводных процессов с разделом криптовалюты думать над решением этих проблем нужно уже сейчас.

Библиографический список:

1. Вахрушев Д. С., Железов О. В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – №. 5.
2. Оношко О.Ю., Денисов А.С. Криптовалюта правовой статус во Франции и России // Актуальные тенденции развития мировой экономики. Часть 1. – 2016.

Макаренко Даяна Сергеевна
Makarenko Dayana Sergeevna

Студент, Томский государственный университет, Томск.

УДК 347.77

РЕЖИССЕР МОНТАЖА КАК СУБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

INSTALLATION DIRECTOR AS A SUBJECT OF INTELLECTUAL RIGHTS

Аннотация: Кинокартины это уникальный мир, который позволяет нам ненадолго забыть обо всем земном и погрузить в мир придуманный сценаристом и режиссером. Но не стоит забывать, что прежде чем очередной блокбастер появляется на экранах кинотеатров, он проходит длительный процесс от создания сценария до финального монтажа. В данной статье речь пойдет именно о монтаже, точнее о режиссере монтажа, о его роли и его правовом положении.

Annotation: Films are a unique world that allows us to briefly forget about everything earthly and immerse into the world invented by a scriptwriter and director. But do not forget that before the next blockbuster appears on the screens of movie theaters, it goes through a long process from creating a script to the final editing. In this article, we will focus on editing, more precisely on the editing director, on his role and his legal status.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, аудиовизуальное произведение, режиссер монтажа.

Keywords: intellectual property, audiovisual work, filmmaker.

Первоначально роль монтажа, по мнению работников киноиндустрии, была невелика. В своей работе «Размышление о киноискусстве» Р.Клер определял монтаж лишь как техническую составляющую, в процессе которой сцены подбираются в соответствии с ходом сценария [2]. В последствие роль монтажа была переосмыслена, так в своей работе И. Вайсфельд дал следующее определение «Монтаж – это способ мышления художника» [1]. Определение данное И. Вайсфельдом наиболее отражает суть, ведь никто не будет спорить, что от работы режиссера монтажа зависит очень многое. Киноиндустрии известны случаи, когда именно благодаря работе монтажера, скажем так, сырой сценарий превращался в мировой блокбастер.

Умение монтажера подобрать необходимый кадр, сопоставить его с другим кадром, дабы в итоге получилась идеальная картинка, разве это не есть творческая составляющая? На мой взгляд, это как раз таки она в своем первоначальном проявлении. К тому же не стоит забывать, что монтажера в процессе своей деятельности может корректировать определенные моменты, так, в случае если при склейки диалога он видит, что сцена «не работает», то, как правило, хороший и уважающий себя режиссер монтажа, который дорожит своей репутацией не скинет всю ответственность на автора, мол кто снял, тот и виноват, а попросту предложит другой вариант решения данной проблемы - сам напишет диалог, переснимет его и сделает так, чтобы в конце эта сцена запала в душу зрителям. Да, бывают случаи, когда режиссер не позволяет монтажера вносить некоторые нововведения или даже на капельку отходить от монтажного плана, когда он самостоятельно сидит и руководит, куда какой кадр вставить, но это редкость, ведь как режиссер, так и режиссер монтажа пытаются добиться лишь одного - снять качественное кино, которое принесет соответствующий отклик от зрителей. В связи с этим многие режиссеры ищут в монтажерах именно «соавторов», которые не будут привязаны к тексту, как к своему детищу, которые смогут увидеть картину под другим углом и в отличие от режиссера и сценариста сможет выявить какие-то слабые стороны, дабы потом уже совместными усилиями их исправить. Таким образом, мы видим, что работа монтажера не сводится лишь к технической склейки кусочков сцены. Следовательно, можно говорить о творческой составляющей присутствующей в процессе его деятельности.

Теперь можно говорить о том, что раз режиссер монтажа вкладывает свою творческую составляющую в произведение, то его деятельность тоже должна охраняться авторским правом.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ у аудиовизуального произведения три автора: режиссер постановщик, автор сценария и композитор. Как мы видим, в законе нет ни малейшего упоминания, ни о режиссере монтажа, ни о звукорежиссере. Если исходить из первоначального подхода, указанного выше, в соответствии с которым роль монтажа сводится лишь к технической

составляющей, то тут и разговоров быть не может – автором он признаваться не может. Да и вообще, говорить о том, что режиссера монтажа необходимо признать еще одним автором произведения глупо. Ведь по такой логике авторами нужно будет признавать и костюмера, и гримера ведь они тоже вкладывают свой творческий труд, создавая образ героев и от их работы также зависит, то как, в конечном счете, будет выглядеть картинка.

Можно попробовать рассмотреть режиссера монтажа как субъекта смежных прав. В соответствии гражданским кодексом РФ субъектами смежных прав признаются: исполнители, изготовители фонограмм, организации эфирного и кабельного вещания, изготовители базы данных, публикаторы. Как известно, законодатель относит к исполнителям, помимо актеров, певцов и музыкантов, еще режиссера постановщика и дирижера.

Внедрение двух последних в данный список не редко критикуется в литературе. Если режиссер-постановщик еще куда ни шло, и его деятельность и впрямь можно назвать творческой, то вот дирижер... По факту, деятельность дирижера сводится лишь к тому, что он указывает на момент вступления того или иного музыканта, поэтому очень сомнителен, факт отнесения его деятельности к творческой. Раз законодатель признал режиссера постановщика и дирижера субъектами смежных прав, то режиссер монтажа также необходимо было бы включить в данный список. Правда следует отметить, что без работы режиссера монтажа произведения вообще не будет, чего нельзя сказать, например, о деятельности дирижера, оркестр вполне может справиться и без него.

Да, можно сказать, что иногда режиссеры монтажа работают в четком соответствии с монтажным листом, и никакой творческой составляющей в его действиях нет, но ведь и дирижер работает в четком соответствии с нотами, задает темп оркестру, что, по сути, тоже лишь техническая составляющая.

К исполнителям режиссера монтажа, конечно, не отнесешь, хотя бы в силу того, что он не доводит до людей произведение, если и выделять его как субъекта смежных прав, то отдельно, предварительно выделив объект, который подлежит охране. Но есть ли в этом смысл? Я думаю, нет.

Техническая составляющая в деятельности монтажера в значительной степени превышает творческую, отсутствие объекта охраны, скорее даже невозможность его выделения, ведь результатом монтажной склейки является финальное аудиовизуальное произведение, исключительное право на которое принадлежит продюсеру, все эти факты попросту не позволяют нам выделять режиссера как субъекта смежных или авторских прав. И не смотря на то, что я придерживаюсь точки зрения, в соответствии с которой роль монтажера в создание аудиовизуального произведения велика, ее все равно не достаточно для того, чтобы признавать его субъектом смежных и уж тем более субъектом авторских прав.

Библиографический список:

1. Вайсфельд И.В. Формирование советской теории кино/И.В. Вайсфельд, Г.Н. Масловский // Истории советского искусствоведения и эстетической мысли 30-х годов.- М., 1977. – С. 111-132
2. Клер Р. Размышления о киноискусстве. Заметки к истории киноискусства с 1920 по 1950 гг. – М., 1958. -297с.].

Султанова Вероника Вакилевна
Sultanova Veronika Vakilevna

Магистрант Челябинского государственного университета, факультет дистанционного обучения, направление «Юриспруденция»

УДК 342.25

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

POWERS OF LOCAL GOVERNMENT IN THE SPHERE OF CULTURE

Аннотация: в статье дана характеристика полномочий органов местного самоуправления в сфере культуры и перераспределение их между муниципальными районами и входящими в их состав поселениями.

Annotation: The article gives a description of the powers of local governments in the field of culture and their redistribution between municipal districts and settlements belonging to them.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, культура, государственные органы, полномочия.

Keywords: local governments, culture, state bodies, powers.

Управление сферой культуры является особо важным направлением муниципальной социальной политики, во многом определяющим комфортность проживания населения на муниципальной территории. Оно предполагает регулирование в вопросах сохранения, создания, распространения и освоения культурных ценностей, правовое обеспечение культурной деятельности, обеспечение конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям.

К сожалению, большая часть культурных процессов в обществе протекают довольно хаотично. Между тем, если брать во внимание отдельные составные части этого сложного процесса, то они вполне поддаются целенаправленному регулированию, стимулированию, перенаправлению и свёртыванию тех или иных отрицательных тенденций посредством создания нормативно-правовых актов, регулирующих культурно-духовную сферу, а так же деятельность органов власти, координирующих вектор развития данной области при активном взаимодействии с обществом.

Главное при этом заключается в том, чтобы такое управление создавало условия для свободного развития культурной деятельности, для её стимулирования, для её защиты от проникновения в сферу культуры чуждых общественной нравственности веяний.

Для передачи и сохранения культурного наследия с целью обеспечения в стране адекватной национальной культурной политики, поддерживающей нравственное и психологическое здоровье населения, требуется слаженность действий не только государственных органов, но и муниципальных, на территории которых проживает большая часть населения.

Система правового регулирования сферы культуры в настоящее время включает в себя большое число нормативно-правовых актов различного уровня и направленности. Особенность правового регулирования здесь заключается в том, что нормы, регулирующие отношения в сфере культуры, практически невозможно отнести к какой-либо одной отрасли права, хотя в классификаторе правовых актов, утвержденном Указом Президента РФ № 511 от 15 марта 2000г. «О классификаторе правовых актов», законодательство о культуре выделено в самостоятельную ветвь.

В законодательство включены общие положения и законодательные акты, регулирующие вопросы управления в сфере культуры, сохранения национального культурного наследия народов Российской Федерации, охраны и использования памятников истории и культуры, а также нормативные документы, определяющие режим особо охраняемых историко-культурных территорий, особенности правового положения культурных ценностей и отдельных направлений культурной деятельности.

Кроме того, в настоящее время целый ряд статей Конституции РФ фиксирует права граждан РФ на пользование достижениями культуры, обоснованы условия для культурной и творческой деятельности и т.д.

Определённые полномочия органов власти различного уровня в области культуры зафиксированы в ряде федеральных законов (Законе РФ от 09.10.92 № 3612-1 «Основы

законодательства в Российской Федерации о культуре», федеральных законах: № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия и памятниках истории и культуры народов Российской Федерации» и др.) и касается всей культурной деятельности в отношении сохранения материального и нематериального культурного наследия, развития национальных культур.

Наделение органов местного самоуправления полномочиями производится в соответствии с законом РФ от 06.10.99 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Бюджетным кодексом РФ, наделяющим необходимыми для их осуществления материальными и финансовыми ресурсами. Муниципальная деятельность в сфере культуры строится на основе общих принципов соответствующей государственной политики (Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Деятельность органов местного самоуправления в сфере культуры полностью финансируется за счет местного бюджета муниципального образования.

При этом структура органов местного самоуправления определяется самостоятельно и должна быть закреплена уставом муниципального образования. Обязательным является включение в структуру органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования и местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования).

Все органы местного самоуправления, их полномочия, действия, избрание и другие обязанности в сфере культуры закрепляются правовыми документами, в соответствии с которыми они работают.

На основании ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 131 было рассмотрено, что относится к вопросам местного значения городского поселения в сфере культуры [1,142].

Изучение реализации полномочий в регионах позволило отметить, что в связи с расширением правомочий субъектов Федерации в сфере местного самоуправления в 2014 г. разработаны Методические рекомендации по подготовке нормативных правовых актов субъектов Федерации, направленных на реализацию положений Федерального закона № 136-ФЗ.

На сегодняшний день к решению данного вопроса в субъектах Федерации подошли по-разному.

Преимущественно дополнительные вопросы местного значения в сфере культуры закрепляются законами за сельскими поселениями, расположенными на всей территории субъекта Федерации [2,105].

При этом в их числе значатся два вопроса местного значения, имеющих отношение к сфере культуры:

- «создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов;
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении[3]»

При изучении данной темы и анализе законов субъектов Федерации о закреплении отдельных вопросов местного значения за сельскими поселениями было выявлено, что 23 нормативных правовых акта из (79.3%) возлагают на органы местного самоуправления данных муниципальных образований ответственность за решение дополнительных вопросов местного значения в области культуры.

Из них в 15 актах речь идет о закреплении за сельскими поселениями четырех вопросов местного значения, в трех актах – трех, в четырех актах – двух и в одном акте – одного вопроса местного значения. В шести субъектах Федерации на уровень сельских поселений не был передан ни один из дополнительных вопросов в сфере культуры.

Максимальные полномочия в этой сфере принадлежат поселениям и городским округам. Довольно часто складываются такие ситуации, когда орган местного самоуправления не может самостоятельно решить поставленные перед ними задачи, ввиду перегрузки сельских поселений

вопросами местного значения, но основной причиной этого является ограниченность местных бюджетов.

При изучении и анализе современной практики издания отраслевых федеральных законов можно сделать вывод о том, что федеральный законодатель не стремится к установлению подробного перечня полномочий органов местного самоуправления по каждому из вопросов местного значения. Поэтому существует необходимость закрепления конкретных полномочий органов местного самоуправления в специальных отраслевых законах [4,62].

В заключение статьи следует отметить, что орган местного самоуправления призван выполнять различные функции в социальной жизни населения. В сфере культуры деятельность направлена на создание, сохранение и распространение культурных ценностей на территории муниципального района, обеспечение конституционного права граждан Российской Федерации на культурную деятельность.

Библиографический список:

1. Калина, В. В. Местное самоуправление как форма самоорганизации населения, проживающего на территории муниципального образования / В. В. Калина // *Соврем. науч. исслед. и разработки*. 2018. № 2(19). С. 141–144.
2. Шайхуллин, М. С. Конституционно-правовые гарантии государственного контроля над деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления / М. С. Шайхуллин // *Вестник ВЭГУ*. 2018. № 2 (94). С. 98–109.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (посл.измен. от 01.05.2019) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 40.
4. Широков, А. Н. Трансформация российской модели местного самоуправления в процессе внесения изменений и дополнений в Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и востребованность лидерских компетенций руководителя / А. Н. Широков, С. Н. Юркова // *Конференциум АСОУ: сб. науч. тр. и материалов науч.-практ. конференций*. 2017. № 2. С. 59–75.
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре. –Федеральный закон от 9 октября 1992 года № 3612-1 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 19. ст. 2307

Петренко Михаил
Petrenko Mikhail

г. Сыктывкар, Россия; ORCID: 0000-0002-0046-6754

УДК 340.5

ПОСМЕРТНОЕ НАКАЗАНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКИХ КАЗНЕЙ

POSTHUMOUS PUNISHMENT: LEGAL VIEW ON RELIGIOUS ELEMENTS OF THE EUROPEAN EXECUTIONS

Аннотация: Посмертное наказание ранее не было предметом исследований в российской юридической науке и едва затронуто европейскими учеными. Вместе с тем, последнее может претендовать на статус самостоятельного вида наказания, поскольку отличается собственным объектом воздействия и методом осуществления. Применение посмертного наказания, кроме того, характеризует фактическое отношение органов публичной власти (на соответствующем этапе развития) к одному из наиболее важных прав человека – свободе совести и религиозного вероисповедания, а в частности к группе сакральных прав.

Посмертное наказание рассматривается нами с использованием исторического и диалектического метода, методов анализа и синтеза, в динамике его применения Европейскими органами публичной власти с Античности до середины XVIII века. В работе предпринята попытка сформулировать основные характеристики посмертного наказания и обозначить основную проблематику данной категории, а также привлечь внимание исследователей к данному вопросу.

Annotation: Posthumous punishment has not previously been the subject of research in Russian legal science and is hardly affected by European scientists. At the same time, the latter can claim the status of an independent type of punishment, since it differs by its own object of influence and method of implementation. The application of posthumous punishment, in addition, characterizes the actual attitude of public authorities (at the appropriate stage) to one of the most important human rights - freedom of conscience and religious belief, and in particular, to a group of sacred rights.

We consider the posthumous punishment using the historical and dialectical method, methods of analysis and synthesis, in the dynamics of its use by European public authorities from Antiquity until the middle of the XVIII century. The attempt is made to formulate the main characteristics of the posthumous punishment and identify the main problems of this category, as well as draw the attention of researchers to this issue.

Ключевые слова: свобода совести, сакральные права, посмертное наказание, наказание, казнь, власть, религиозные воззрения, публичная власть, государственная власть.

Keywords: freedom of conscience, sacred rights, posthumous punishment, punishment, execution, power, religious beliefs, public authority, state power.

Перед началом сделаем несколько предварительных замечаний.

Во-первых, в работе не ставилось целью проанализировать все случаи казней, проведенных в Европе вплоть до Новейшего времени. Предлагаемая выборка носит ориентирующий, но не исчерпывающий характер и может быть существенным образом расширена как с точки зрения предлагаемой хронологии, так и с точки зрения полноты материалов. Настоящая работа также не ставит перед собой целью раскрыть всю полноту форм и методов посмертного наказания, а также его место в системе наказаний. Несмотря на значимость указанных вопросов целью настоящей работы является обозначение юридической проблематики посмертного наказания, привлечения внимания исследователей к данному вопросу и самое общее его рассмотрение на основе уважения ко всем религиям и праву человека на свободу совести.

Во-вторых, поскольку основой для категории посмертного наказания является термин "наказание", неразрывно связанный с карами за нарушение закона [2; 19], традиционно осуществляемыми в Европе органами публичной власти [2; 19], постольку в работе под карающим лицом при посмертном наказании понимаются органы публичной власти. Разумеется, посмертная кара может быть осуществлена и иными лицами, например религиозной общиной [13, с. 364-365], однако такого рода кары не могут быть отнесены к наказанию и оттого в настоящей работе не

рассматриваются.

Использование наказаний имманентно любому публично-правовому образованию в связи с обеспечением собственного функционирования и является проявлением власти в одной из возможных форм [3, р.820-829]. Регламентация наказаний (с той или иной степенью подробности) содержится в иероглифических надписях древнего мира, законах, уставах и уложениях эпох античности, средневековья, нормативных актах нового и новейшего времени. Эпоха за эпохой, применяемые органами публичной власти формы наказания изменялись в зависимости от доминирующих среди властителей парадигм, а также стоящих перед ними задач.

Существовавшие и существующие в мире формы наказаний активно изучаются современной европейской правовой наукой, в том числе исследователями России. Вместе с тем, категория посмертных наказаний исследователями практически не затронута и сколько-нибудь полно не сформулирована. Настоящая работа, надеемся, несколько сократит данный недостаток внимания к вопросу.

Точное время начала применения посмертных наказаний, концептуально понимаемых как действий органов публичной власти, направленных на создание негативных последствий для казнимого за счет использования его религиозных воззрений на вопрос посмертной судьбы его "бестелесной" составляющей (далее также – душа) определить не представляется возможным. Первые случаи вполне могли относиться, и скорее всего относились, к первобытному обществу, достоверных источников о чем не сохранилось. При этом имеются основания полагать, что посмертное наказание применялось в Римской Империи в I в. до н.э.

Как следует из обвинительной речи Цицерона против Верреса (I в. до н.э.), последним во время его губернаторства над провинцией Сицилия матерям осужденных не позволялось в последние часы жизни увидеть своих детей, "хотя они молили лишь о том, чтобы им позволено было принять своими устами дыхание их сыновей" [17, с. 202-203].

Осуждаемый Цицероном запрет может быть оценен нами в полной мере лишь с учетом существовавшей системы прощания и погребения умершего, то есть при рассмотрении их в качестве элементов одной тотальности [11, с.62]. Так, в соответствии с существовавшими религиозными верованиями последний вздох человека является моментом отделения души умершего от его тела и он должен быть пойман матерью (при отсутствии - близким родственником покойного) в прощальном поцелуе. Затем в рот умершего помещалась монета для оплаты перевозчику душ в загробном мире, что являлось обязательным условием достижения душой умершего благоприятного посмертного состояния [17, с.201-202; 12, с.219]. Напротив, лишение возможности последнего поцелуя и связанного с ним помещения в рот умершего монеты согласно существовавшей религиозной традиции, обрекало умершего на вечные скитания без возможности достижения царства мертвых.

Таким образом, занимающим высокую должность государственным чиновником, возглавлявшим провинцию Римской Империи и несомненно имеющим обширные познания в культуре возглавляемой им провинции в отдельных случаях при исполнении своих обязанностей запрещалось отправление необходимых с религиозной точки зрения погребальных обрядов, что имело негативные последствия для умирающих за счёт переживаний, как минимум, о судьбе своей души. Иными словами, в Римской Империи I в. до н.э. применялись посмертные наказания, хотя в последующем они публично осуждались в ходе судебного разбирательства.

Заложенная в античности практика посмертных наказаний воспринята Средневековой Европой, в которой, также как и в античности, любое публичное наказание неотделимо от религиозных убеждений караемых [7, р.34]. Примером посмертного наказания на данном этапе развития Европейского общества служит казнь чешского церковного реформатора Яна Гуса, свершившаяся 06.07.1415 г.

Осужденный за церковный раскол Я. Гус подлежал исключительному методу казни - сожжению, что хотя и соответствовало представлениям того периода о надлежащей казни еретиков, но являлась экстраординарной мерой по сравнению с иными используемыми видами казней. Кроме того, лишь сожжением казнь Я. Гуса не ограничилась.

При восшествии на эшафот, а также во время, пока казнимого привязывали к столбу и обкладывали дровами, которые затем подожгли, придерживавшийся христианского католического вероисповедания Гус постоянно молился. Однако возможности исповедаться, то есть совершить

христианский религиозный обряд покаяния, непосредственно влияющий на возможность достижения его "бестелесной" составляющей благоприятного состояния после смерти палачами (действовавшими от имени публичной власти) ему специально не представлялось. Просьбы, звучащие в защиту права Гуса на исповедь из толпы присутствующих казнящими были проигнорированы. После того, как дрова под телом Гуса прогорели, палачи повалили столб с привязанным к нему телом в огонь и, ходя вокруг костровища, разбивали оставшиеся от Гуса череп и кости палками. Затем оставшейся пепел был сброшен в реку Рейн [15].

В данном случае следует отметить три обстоятельства.

Во-первых, в соответствии с христианским вероучением, которого придерживаются православная и католическая конфессии, покаяние за грехи принимается священнослужителем на исповеди, в ходе которой грехи могут быть отпущены (Библия: Матф.16:20, 18:18). Отпущение грехов позволяет душе возможность достигнуть благоприятного состояния после смерти (рая). Следовательно лишение казнимого возможности исповеди с точки зрения христианства может негативно сказываться на посмертном существовании его души.

Во-вторых, согласно канонам христианства погребение умершего следует осуществлять именно в грунт (землю), в основе чего лежит текст Ветхого Завета, а именно книга пророка Исаяи, в которой говорится о воскресении мертвецов из земли (Библия: Ис.26:19), а также текст книги Екклесиаста, в которой прямо указывается на погребение умершего в землю (Библия: Еккл. 12:7). Нарушение этого правила, с позиции христианства (как католического, так и православного), само по себе не несет ущерб душе умершего, хотя и не одобряется: "Всякое тело ... сохраняется для Бога, хранящего элементы. Мы [христиане] не боимся ... никакого ущерба при любом способе погребения, но придерживаемся старого и лучшего обычая предавать тело земле" [5, с.161].

Вместе с тем физическое уничтожение тела лишает усопшего надгробия - присущего европейской цивилизации символа памяти о когда-либо жившем человеке – а с ним и долговечности в памяти живых [20, с.195]. Забывание об умершем исключает проведение для него религиозных обрядов, что способно негативно сказаться на судьбе его души после смерти (Библия: Сир.7:36; 1 Цар.2:25; 1 Цар.31:13; Рим. 9:15).

В-третьих, согласно существовавшему в Европе околорелигиозным преданиям и легендам (далее также - фольклор) непогребение тела либо его погребение не в соответствии с христианским погребальным ритуалом способно повлечь муки умершего и "превращение" его души в призрака, духа, а также иную нежить, вредящую живым.

Согласно одному из таких преданий Французский епископ Герман Осерский около V века н.э. находясь в путешествии и заночевав в связи с непогодой в одном из домов, подвергся нападению злобного духа, бросавшегося в него и его попутчиков камнями, осыпавшего бранью. Герман призвал духа остановиться во имя Бога, и при упоминании святого имени он прекратил свое насилие и стал очень смиренным. Дух раскрыл истинную причину своего непотребного поведения: он был душой умершего злого человека, над которым не проведено христианского погребального обряда. Германом проведен погребальный обряд над прахом неупокоенного духа, после которого последний более не беспокоил живых [1, р.24].

Другим христианским приданием того же периода патриарху Ефриму Антиохийскому приписывается упокоение тела и души отшельника Фомаса (Фомы).

В связи с отсутствием у последнего средств после смерти он был погребен в землю на окраине кладбища, предназначенную для бедняков. В связи с захоронением Фомаса без проведения христианского обряда тело отшельника неоднократно выбиралось из могилы. Лишь после проведения специально организованной погребальной службы над телом отшельника патриархом Ефримом в кафедральной церкви Антиохии душа и тело Фомаса упокоились [1, р.25].

Несмотря на отсутствие в распространенном на территории Восточной Европы каноническом православном христианстве упоминания духов как неупокоенных людских душ, в обществе такое понимание имело распространение в фольклоре. Одним из известнейших поэтов Российской Империи А.С. Пушкиным в написанном на основании народных преданий стихотворении "Утопленник" (1825 г.), указывается, что непогребение по христианскому обряду утопленника повлекло его неупокоенность и претерпевание бесконечных мук. Каре от утопленника подвергся также и случайный человек, побоявшийся надлежащим образом похоронить умершего [16].

Несмотря на неканоничность фольклора, его множественность и разнообразность [1, р.25-26; 13, с. 364-368] позволяет говорить об общественном восприятии (как в Западной, так и в Восточной

Европе) лишения погребения как негативного воздействия на посмертную судьбу души и социальное окружение умершего, которое может пострадать от неупокоенной души.

Таким образом, сожжение тела Я. Гуса, организованное публичными властями попрание его костей, а также лишение права на погребение и исповедь явно вышло за пределы обычной (ординарной) казни преступника. Казнь, понимаемая как совокупность применяемых к преступнику публичной властью кар, включила в себя наряду с прижизненными также и посмертное наказание.

Несколько позже, 30.05.1431 г. по обвинениям в ереси осуждена к сожжению придерживающаяся католического вероисповедания Жанна Д'Арк. Останки Орлеанской Девы, как именовали Д'Арк, после сожжения подверглись топтанию солдатами, а затем её пепел сброшен в реку Сена [9]. Аналогичная участь за схожее преступление постигла 23.05.1498 г. католического монаха Совнароллу, которого совместно с 2 сподвижниками приговорили к повешению, а затем их тела подлежали сожжению. После сожжения уже мертвых тел их прах был собран и сброшен в реку Арно [9].

Таким образом, посмертное наказание включалось публичными властями Средневековой Европы в ряд казней, и имело место как минимум в отношении Яна Гуса, Жанны Д'Арк, Совнароллы.

Практика посмертных наказаний продолжена в Европе Нового времени. Показательный для того периода случай описан М. Фуко в работе "Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы", где автором уделено внимание состоявшейся 02.03.1757г. казни неудавшегося убийцы французского короля Людовика XV – католика [8, р. 201–214] Роберта-Франко Дамьена.

В соответствии с приговором Р.-Ф. Дамьена следовало доставить на площадь и после раздиранья тела раскаленными щипцами возвести на плаху, где его следовало обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, масла, смолы, воска серы. Затем тело подлежало раздиранью лошадьми, туловище и оторванные конечности необходимо было сжечь, а пепел развеять по ветру, что в итоге и было сделано [4, р.7-10].

Таким образом, Р.-Ф. Дамьен лишился возможности погребения, а его казнь (как ранее казнь Я. Гуса и др.) содержит в себе посмертное наказание.

Иллюстрацией посмертного наказания в Восточной Европе Нового времени является казнь донского казака Емельяна Ивановича Пугачева (10.01.1775г.), обвинённого в попытке государственного переворота. Происхождение из казачества не оставляет сомнений в христианском православном вероисповедании Е.И. Пугачева, что подтверждается также и восстановленной советским историком В.И. Бугановым картиной его казни, где во время оглашения приговора он все время совершал крестные знамения [10].

После поимки Е.И. Пугачев был приговорен к квалифицированной смертной казни. Из текста приговора следовало, что бунтовщика следует четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на горизонтально установленные колеса, а затем с ними и сжечь [14, с.34]. В итоге Пугачева вместе с эшафотом и санями, на которых его везли на казнь, как и предписывалось приговором, сожгли [10].

Вместе с тем православное христианство, а именно оно имело доминирующее положение в России до Социалистической революции 1917 года, как и рассмотренный ранее католицизм, исходит из отношения к телу христианина как к "храму Божьему" (Библия: 1 Кор. 3:16). Следовательно поскольку примененная к Е.И. Пугачеву казнь лишала казнимого погребения, постольку в отношении него органами публичной власти применено посмертное наказание.

Сожжение, однако, не являлось единственным способом посмертного наказания, практиковавшегося в России того периода. Так, 16.03.1721г. состоялась казнь бывшего Сибирского губернатора Российской Империи Матвея Петровича Гагарина за многократные случаи взяточничества, казнокрадства и злоупотребления полномочиями. В соответствии с приговором Сената М.П. Гагарина казнили повешением. После наступления смерти тело повешенного по указанию императора Петра I было запрещено хоронить [18, с.50-56].

Схожая судьба постигла бывшего коменданта Томска Романа Александровича Траханитова, которому вменялось более 40 эпизодов взяточничества. По результатам рассмотрения дела суд 24.09.1723 г. признал его виновным и подлежащим смертной казни. Узнав о приговоре Р.А. Траханитов скоропостижно скончался и был погребен по христианскому обычаю. Вместе с тем, по результатам посмертного рассмотрения Российским императором Петром I материалов дела по

обвинению Р.А. Траханитова им принято решение эксгумировать тело преступника и повесить в людном месте [18, с. 50-56].

Однако неверно было бы говорить, что такой метод посмертного наказания, как лишение подвешивания тела над землей присущ исключительно Восточной Европе или, тем более, России. Примером обратного служит казнь 24.08.1572 Гаспара де Шатильона, адмирала Колиньи, назначенная по приговору короля Франции за раскольничество. После смерти тело де Шатильона было повешено за ноги, как и должно было находиться до полного истлевания, но было выкрадено родственниками и тайно погребено согласно обычаям [9]. Еще одним примером западноевропейской практики посмертных наказаний является казнь 23.05.1701 г. подданного Британии Уильяма Кидда за убийства и пиратство. После принятия предсмертного утешения от священника и принесения им покаяния Кидд был повешен. После казни тело Кидда было вымазано дегтем и подвешено на железном каркасе, где и провисело более 2 лет, пока не истлело [9]. Аналогичная судьба постигла за преступления братьев Дьювит в 1799 году. В наказание за множественные общеуголовные преступления их тела после казни подвесили на цепях у дороги в графстве Сассекс (Великобритания), где они и висели до истления [6].

Анализируя вышеизложенные исторические события возможно выделить некоторые совпадающие характеристики посмертного наказания, способные характеризовать данную категорию в целом с поправкой на специфику этапа исторического развития.

Ключевым признаком посмертного наказания рассматриваемого периода являлось **религиозность** объекта наказания. Подтверждением этого являются как религиозные действия казнимых перед казнью: молитвы и крестные знамена (Я. Гус, Е.И. Пугачев и др.), так и прижизненные свидетельства религиозности казнимых (Ж. Д'Арк, Г. де Шатильон и др.) и случаи, в которых религиозность казнимых предопределялась социумом, из которого казнимые происходили (казни граждан Рима времен Верреса и др.). При этом каждая из рассмотренных конфессий в основе учения сдержит признание существования «бестелесной» составляющей человека – души, не погибающей после смерти физического тела. Именно признание самим объектом воздействия наличия у него души делает возможным влияние на её судьбу (в лучшую или худшую сторону), а, следовательно и саму возможность посмертного наказания.

Вместе с тем, религиозность объекта наказания указанного периода неверно отождествлять с его строго канонической религиозностью, в том числе в вопросе понимания посмертной судьбы души. Несмотря на то, что каждый случай посмертного наказания содержит нарушение одной или нескольких религиозных предписаний, касающихся процедуры прощания с умершим (казни граждан Рима времен Верреса), сохранности тела (казни Я. Гуса, Е.И. Пугачева и др.), порядка погребения (казни Ж. Д'Арк, М.П. Гагарина и др.) основополагающим в затронутых конфессиях является понимание Бога как субъекта с безграничными возможностями, а следовательно презюмируется невозможность какими-либо человеческими действиями, в том числе нарушающими сакральные запреты, лишить Бога возможности обеспечить благоприятное состояние душе любого лица, в том числе посмертно наказанного, по собственным мотивам (из милости, милосердия и т.д.). Иными словами строго каноническое представление объекта о посмертной судьбе его души делает невозможным применение к нему посмертного наказания.

Существовавшие в Европе рассматриваемого периода квазирелигиозные фольклорные источники, напротив, прямо связывали нарушение касающихся смерти и погребения религиозных запретов с неизбежными карами для души умершего (например, рассмотренное предание из жизни Германа Остерского, Ефриама Антиохийского), а также его социального окружения (например, рассмотренное переложение А.С. Пушкиным предания об утопленнике).

Канонический и фольклорный подход к пониманию посмертной судьбы души в результате одновременного существования в европейской социальной среде смешались, что породило представления человека о посмертной судьбе души, одновременно основывающееся на предписаниях исповедуемой им религии и квазирелигиозных фольклорных представлениях (далее также – представление о посмертии).

Объект посмертного наказания в рассматриваемый период характеризуется комплексным характером, включающим основной и дополнительный объект воздействия.

Основной объект посмертного наказания – непосредственно подвергаемое воздействию органом публичной власти живое физическое лицо. При этом фактически воздействие может быть осуществлено как в отношении ещё живого (например Я. Гус), так и в отношении уже мертвого

тела. Условием отнесения казни к числу последних является прижизненная осведомленность казнимого о последующем применении к нему посмертного наказания. Такая осведомленность возникала у казнимых из оглашаемых приговоров (Е.И. Пугачев, У. Кидд и др.), из известной практики казней в случаях с посмертно наказанными Верресом лицами.

Посмертное наказание основного объекта во всех рассмотренных нами случаях осуществлялось за счет прямого физического воздействия на тело казнимого: тела Я.Гуса, Ж. Д'Арк, Совнаролла были сожжены, тела Р.-Ф. Дамьена и Е.И. Пугачева четвертованы, тела Р.А. Траханитова, У. Кидда подвешены в людных местах. Причем если в Средние века и Новое время тела казненных зачастую уничтожались полностью (Совнаролла, Р.-Ф. Дамьен), то с течением времени связанное с посмертным наказанием повреждение тел казненных минимизировалось и в ряде случаев ограничивалось практически неразрушающим физическое тело осквернением (например, казни братьев Дьювит), но даже с принятием мер по сохранению тела казнимого (У.Кидд).

Дополнительным объектом посмертного наказания являлось социальное окружение казнимого. В таком качестве выступали родственники казнённого, о чем свидетельствует, например, рассмотренное ранее погребение тела Г. де Шатильона членами его семьи, которые находясь в скорби и переживаниях по случаю смерти родственника нарушили решение публичной власти и выкрали его тело, сами рискуя получить наказание.

В аналогичном качестве выступали также сторонники проповедуемых казнимым идей. Например, казнь Я. Гуса повлекла скорбь и переживания сторонников Реформации в связи с казнью своего идейного вдохновителя, перетекших в недовольство и вылившихся в Гуситские войны (1419-1434 г.г.).

Следует также отметить, что метод посмертного наказания характеризуется комплексностью психологического воздействия на объект. В отношении основного объекта (казнимого лица) комплексность заключается в психологическом воздействии, направленном на возникновение (усиление) у казнимого переживаний: во-первых, за счет ожиданий ухудшения посмертной судьбы собственной души за счет посмертного наказания, а во-вторых, за счет фактического осознания казнимым негативных последствий казни для своего социального окружения.

В отношении дополнительного объекта (социального окружения казнимого лица) комплексный характер заключается в основанной на фольклорных источниках угрозе негативных последствий социальному окружению казнимого в связи с неуспокоенностью его души. Такую угрозу иллюстрирует рассмотренное нами религиозное предание о Г. Остерском, переложенная А.С. Пушкиным на стихотворный лад легенда об утопленнике, который доставлял муки лицу, не обеспечившему ему должного погребения и рядом иных.

Кроме того, социальное окружение казнимого вынуждено испытывать негативные нравственные переживания в связи с посмертным наказанием близкого им лица и разрыва связанных с ним социальных связей. В большинстве случаев не возникает сомнений в наличии кары для окружения казнимого, заключающейся в омраченности их существования горем казни и посмертных мук их близкого, которым они не смогли помешать, стыдом перед поддерживающим публичную власть обществом и, в случае нахождения на иждивении у казненного - нуждой.

Дополнительный объект посмертного наказания способен в отдельных случаях заменить основной объект в отношениях, связанных с посмертным наказанием, что определяется ситуациями, аналогичными казни Р.А. Траханитова. В последнем случае умерший своей смертью дворянин не мог знать о лишении его погребения в будущем, а, следовательно, будучи живым не мог ощущать переживаний о судьбе своей души в связи с посмертным наказанием, а значит претерпевать кару. Следовательно, основной объект посмертного наказания в данном случае отсутствовал. Вместе с тем невозможность претерпевания кары основным объектом не могла снять переживаний социального окружения казненного (в связи с лишением его надлежащего погребения), а значит стало единственным объектом посмертного наказания.

Карающие лица в посмертном наказании, в роли которых выступили органы публичной власти, во всех случаях характеризуются умышленной направленностью своих действий, которые направлены на причинение неблагоприятных последствий объекту посмертного наказания.

Объяснение данного факта, вероятно, следует искать в теории и философии права, а именно в том, что в основе публичной власти лежит преобладание в ресурсах властвующего над подвластным. К числу таких ресурсов относится и информационный ресурс, одновременно являющийся не только

основой для возникновения власти, но и обязательным условием функционирования власти сколько-нибудь длительное время за счет прогнозирования изменений в подвластном и нивелировании тех ресурсов последнего, которые способны конкурировать с ресурсами властвующего. Информационный ресурс в обществе, имеющим устоявшиеся религиозные представления, не может не включать в себя сведения о существующих в обществе нравственных ценностях, основанных как на каноническом, так и фольклорном понимании должного и недолжного. Игнорирование указанных сведений или их отсутствие у властвующего с неизбежностью приведут к утрате публичной властью легитимности в глазах общества, то есть её гибели.

Длительность существования публичной власти (Римская империя, Франция, Великобритания, Российская Империя и др.), свидетельствует об осведомленности органов публичной власти об одобряемых и неодобряемых обществом действиях в основных сферах общественной жизни. К последним следует относить и религиозное бытие общества, неразрывное с категориями души и посмертного существования.

Таким образом имеются все основания полагать, что рассмотренные ранее действия органов публичной власти совершены при наличии информации и с учетом существующих в обществе представлений о посмертии, понимании органами власти последствий своих решений. Это позволяет считать действия органов публичной власти умышленными.

Умышленность действий органов публичной власти на совершение посмертных наказаний принимал форму как прямой, так и косвенной направленности. С прямой умышленной направленностью, то есть при осуществлении публичной властью действий, направленных на создание негативных последствий для "бестелесной" составляющей казненных лиц, посмертные наказания осуществлялись на различных этапах развития европейского общества от Древних веков до Нового времени. Как лишение умирающего в заточении лица ритуального прощания в Римской Сицилии, так и лишение возможности Я. Гуса исповедаться и провести ритуал отпущения грехов, носят прямую направленность на ухудшение посмертной судьбы души казненного. Косвенной умышленной направленностью со стороны органов публичной власти характеризуются те посмертные наказания, при которых негативные последствия для "бестелесной" составляющей казненных лиц осознанно допускаются, хотя действия и не направлены на них прямо.

Условием отнесения казни к данной группе является избрание публичной властью такого её метода, который хотя и не провозглашался в качестве посмертного наказания, но с очевидностью негативно воздействовал на посмертную судьбу души казнимого согласно представлений о посмертии казнимого лица и его социального окружения. Примерами в данном случае выступают казни Р.А. Траханитова, М.П. Гагарина, У. Кидда и др., по результатам которых казненные лишены сообразного с их религией погребения и прощального ритуала.

При этом как прямая, так и косвенная направленность на «бестелесную» составляющую казненного не переводит метафизическую душу в предмет посмертного наказания. Признав подобное мы бы с неизбежностью вышли за пределы юридической науки. Душа в посмертном наказании выступает лишь в роли внешнего атрибута действий публичной власти при посмертном наказании, но не более того.

Методы посмертного наказания в рассматриваемый период характеризуются своей экстраординарностью. Во всех рассмотренных случаях посмертные наказания включали в себя не применявшиеся в обычной практике того периода формы казни: подвешивание тела казненного до полного истлевания (например, У.Кидд, М.П. Гагарин), сожжение тела (например, Я. Гус, Д'Арк) и другие. Отчасти это объясняется неразрывностью посмертного наказания с вероисповеданием казнимого и его социального окружения. Как отмечалось ранее, посмертное наказание во всех случаях нарушает одну или несколько догм того вероисповедания, которого придерживается объект. Множественность вероисповеданий же обуславливает различный подход к способу осуществления посмертного наказания в каждом конкретном случае.

Вместе с тем, обязательным условием приведения в исполнение посмертного наказания является его необратимость, заключающаяся в лишении казнимого (основного объекта) возможности исправить что-либо для своей "бестелесной" составляющей до наступления смерти в соответствии со своими религиозными представлениями. Так, лишение Верресом казнимых возможности попрощаться с близкими и получить от них монету для оплаты перевозчику душ за переправу в царство мёртвых было связано в последними минутами жизни казненного и не могло быть исправлено, что несомненно приносило прижизненные страдания объекту казни. В этом смысле для

казнимого посмертное наказание обладало свойством необратимости.

Аналогично складывались и последующие казни. Например, лишение Я. Гуса последней исповеди и последующего отпущения грехов также происходило в последние минуты жизни казненного, а метод казни исключал возможность совершения данного, а равно какого-либо иного религиозного ритуала, направленного на достижение душой казнимого благоприятного состояния после казни. Как-либо изменить данный порядок Я.Гус не мог, для него посмертное наказание являлось необратимым.

Необратимостью для казненного характеризуются и все иные посмертные наказания, в том числе совершаемые над уже мертвыми телами (Р.А. Траханитов, М.П. Гагарин, У. Кидд и др.), поскольку для основного объекта казни они не подвластны и не могут быть ими изменены.

Подводя итог отметим, что проблематика применения посмертного наказания, осуществляемого от имени Европейской публичной власти, безусловно, относится к недостаточно исследованным в современной отечественной и зарубежной юридической науке. Между тем изучение данного вопроса позволит исследователям привести дополнительные аргументы в пользу суровости или мягкости исторически назначаемых в данном периоде наказаний за счет включения в их оценку религиозных воззрений объекта наказания. Исследование проблематики посмертного наказания позволит иначе взглянуть на обоснованность отнесения государств к числу светских на различных этапах их развития, а также ответить на многие иные вопросы юридической науки.

Библиографический список:

1. Curran, B. *Encyclopedia of the undead : a field guide to creatures that cannot rest in peace.* / Edited by Gina Talucci, New-York: NewPage Book, 2006.
2. English Oxford Living Dictionaries, URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/punishment> (Date: 31.12.2018).
3. Finogentova, O.; Tokarev, V.; Petrenko, M.; Primak, T. 2018. Acceptance criterion of state coercion in contemporary society, *Entrepreneurship and Sustainability Issues* 6(2). [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(23\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(23))
4. Foucault, M. *Surveiller et punir Naissance de la prison.* /M. Foucault., Paris: Editions GALLIMARD,1975.
5. Minucius Felix. *Octavius* // Богословские труды. Сборник 22. — М.: Московская патриархия, 1981.
6. Roundell, J.A.E. (1884), *Cowdray: The History of a Great English House*, London: Bickers & son; URL: https://archive.org/details/cowdrayhistoryof00roun_0 (Date: 21.12.2018).
7. Tarlow S., Battell Lowman E. (2018) *The Power of the Criminal Corpse in the Medieval World.* In: *Harnessing the Power of the Criminal Corpse.* Palgrave Historical Studies in the Criminal Corpse and its Afterlife. Palgrave Macmillan, (DOI : https://doi.org/10.1007/978-3-319-77908-9_2).
8. Zevaes, A. L. *Damien le régicide*, Paris, 1937.
9. Авадьева, Е., Зданович, Е., 100 великих казней. /Е. Авадьева, Е. Зданович М.: Вече, 2004. [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: http://smartwebsite.ru/publ/znamenitye_kazni (Дата обращения 22.07.2018).
10. Буганов, В.И. Пугачев. Серия: Жизнь замечательных людей / В.И. Буганов М.: Молодая Гвардия, 1987. [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=5100&p=95> (Дата обращения: 20.07.2018).
11. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. - М.: Мысль, 1990.
12. Гиро, П. *Частная и общественная жизнь римлян.* / П. Гиро, - СПб.: Издательство Алетей, 1995.
13. Двоеслов, Г. *Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души.* / Г. Двоеслов. - Казань: Типография Губернского правления, 1858.
14. Лимонов, Ю.А., Мавродин, В.В., Панеях, В.М. *Пугачев и его сподвижники* / Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, В.М. Панеях - Л.: Наука, 1966.
15. Кратохвил, М. *Ян Гус* / М. Кратохвил - М.: Молодая гвардия, 1959. [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=173371>, (Дата обращения: 22.07.2018).
16. Пушкин, А.С. *Утопленник.* [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-utoplennik>, (Дата обращения: 21.12.2018).
17. Сергеевко, М.Е. *Жизнь Древнего Рима.* / М.Е. Сергеевко. - СПб.: "Летний Сад", 2000.

18. Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы Российских следователей. И.И. Дмитриев-Мамонов //Российский следователь, 2016. - № 12.
19. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка М.: Альта-Принт, 2005. [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=32426>, (Дата обращения: 31.12.2018).
20. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1 Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. – Минск: "Попурри", 2009.

Кашникова Мария Евгеньевна
Kashnikova Mariya Evgenievna

Студент, Санкт-Петербургский государственный университет, направление
«Юриспруденция».

УДК 347.51

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНТЕРВЕНЦИЮ В ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

THEORETICAL ASPECTS OF RESPONSIBILITY FOR INTERFERENCE WITH CONTRACT

Аннотация: в статье автор рассматривает теоретические вопросы, связанные с таким явлением как интервенция в договорные отношения. И если в большинстве правовых систем уже давно предусмотрена ответственность за вмешательство третьего лица в договор, то в российском правовом порядке ни в доктрине, ни на практике не выработана однозначная позиция по данному вопросу. Об актуальности этой темы говорит то, что за последние несколько лет было написано значительное количество публикаций по данной проблематике, а также, что в практике Верховного Суда неоднократно рассматривались подобные казусы.

Abstract: in this article the author is considering theoretical aspects that relate to the phenomenon of interference with contract. There is responsibility for the third-party intervention in the majority of other public orders, but in our country, there is no unequivocal position on this question. The importance of this issue is highlighted by large numbers of scientific publications and also by different cases in the Federal Supreme Court's juridical practice.

Ключевые слова: интервенция в договорные отношения, внедоговорные обязательства, ответственность, добросовестность, деликт.

Key words: interference with contract, non-conventional obligations, responsibility, good faith, tort.

Понятие интервенции.

Интервенция (от лат. *interventio* – вмешательство) – понятие, которое имеет широкий спектр значений и встречается в теории международных отношений, экономике, медицине и юриспруденции. В гражданско-правовом понимании интервенцию в договорные отношения можно определить как ситуацию, когда должник не исполняет или исполняет свои обязанности по договору ненадлежащим образом в связи с оказанием на него влияния третьего лица, вследствие чего у кредитора возникают финансовые потери.

Мотивы интервента и формы его вмешательства весьма разнообразны. Наиболее распространенные варианты интервенции:

- 1) Заключение новой сделки в отношении предмета первоначальной сделки на более выгодных условиях (например, двойная продажа).
- 2) Уничтожение предмета сделки интервентом, ввиду чего исполнение договора оказывается невозможным.
- 3) Третье лицо может помешать должнику исполнить обязательство, незаконно лишив его свободы, причинив вред здоровью или лишив его жизни.
- 4) Должник и кредитор изначально находятся в сговоре, кредитору навязывается контрагент, задача которого – руинировать бизнес кредитора, вывести активы. Это, своего рода, пример недобросовестной конкуренции.
- 5) Нарушение положений корпоративного договора, когда стороне договора известно наличие в нем определенных ограничений, но, несмотря на это, она заключает сделку.
- 6) Все случаи нарушения договорных запретов (например, право на последующий залог или на уступку).
- 7) Статья 174 ГК РФ, которая предусматривает последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица, также похожа по своим признакам на случай интервенции.

8) Интервенция возможна не только при договорных отношениях, она также при различного рода обязательственных возвратах (например, при возврате полученного по договору, когда он был расторгнут одной из сторон).

Данный перечень не является исчерпывающим. Очевидно, что в большинстве случаев, должник будет нести перед кредитором по первоначальной сделке договорную ответственность. Тем не менее, предусмотренных в 25 Главе ГК РФ способов может быть недостаточно для того, чтобы эффективно защитить кредитора, особенно в ситуациях, когда должник является неплатежеспособным, ввиду чего взыскание с него убытков не представляется возможным. Тогда возникает закономерный вопрос о привлечении к ответственности интервента. В дальнейшем этот вопрос будет рассматриваться применительно к первой из перечисленных выше ситуаций – заключение двух сделок в отношении одного и того же предмета на разных условиях (вторая из которых наиболее выгодна).

Зачатки ответственности за интервенцию появились еще в римском праве. Если был причинен физический вред слуге, в результате чего тот не мог исполнять свои обязанности перед *paterfamilias* и последний терпел в связи с этим убытки, *paterfamilias* мог предъявить *actio iniuriarum* к причинителю вреда и возместить свои имущественные потери [2, 326]. В средние века в англо-саксонской правовой системе деликт вмешательства (*tortious interference with contract*) продолжал развиваться как средство защиты работодателей от фактического ущерба, нанесенного им в результате потери услуг работников. В 1853 году в Англии сложилась современная концепция вмешательства в договорные отношения при рассмотрении судом дела *Lumley v. Gye*. Суд удовлетворил требование о привлечении к ответственности лица, побудившего оперную певицу выступать в другом театре. Суд пришел к выводу о том, что, независимо от того, повлечет ли данный прецедент более широкое применение и распространится на иные отношения или он будет регулировать ситуацию, которая является аномальной, «с момента провозглашения данного решения необходимо считать четким правилом, что лицо, которое злонамеренно прерывает существующие договорные отношения, совершает правонарушение и должно быть привлечено к юридической ответственности» [3, 23]. В дальнейшем деликт был расширен за пределы договоров, носящих трудовой характер или связанных с личностью исполнителя, а также была выделена такая разновидность этого деликта, как вмешательство с «потенциальным преимуществом» (*tortious interference with prospective advantage*). Сейчас в большинстве правовых порядков интервент подлежит гражданско-правовой ответственности, однако некоторые из них базируются на деликтной концепции, другие идут по пути признания второй сделки недействительной.

В российском правовом порядке есть ряд трудностей, связанных с привлечением интервента к ответственности, в частности, не все юристы согласны с тем, что вмешательство можно рассматривать как деликт. Это объясняется тем, что в российской научной литературе по-прежнему устойчивое положение занимает концепция, согласно которой не допускается абсолютная защита относительных прав. Вторым препятствием ко взысканию убытков, причиненных в результате вмешательства в договорные отношения третьего лица, было распространенное воззрение о невозможности удовлетворения деликтного иска, если у потерпевшего есть договорное требование к другому лицу, защищающее тот же экономический интерес, поскольку в этом усматривалась возможность двойного обогащения кредитора. Третий аргумент, который выдвигают противники привлечения интервента к ответственности заключается в том, что признание вмешательства в договорные отношения гражданским правонарушением противоречит доктрине эффективного нарушения договора.

Соотношение доктрины интервенции с принципом относительности обязательственных отношений.

Договор – это юридический факт, который является основанием для возникновения обязательства. В соответствии с п. 3 ст. 308 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем (третьих лиц), однако в случаях, предусмотренных законом, иными нормативно-правовыми актами или соглашением сторон, может создавать для третьих лиц права в отношении одной из сторон обязательства. Таким образом, по общему правилу, обязательство из договора порождает права и обязанности только для его сторон, соответственно, на первый взгляд, ответственность за ненадлежащее исполнение этих обязанностей или уклонение от их исполнения также должна возникать только для участников договорных отношений. Это является проявлением относительного характера обязательственных

правоотношений. В отличие от абсолютных правоотношений, где носителю права противостоит неопределенный круг субъектов, в относительном этот круг четко определен и нарушение права влечет ответственность, по общему правилу, только для конкретного лица (контрагента). Небезучастным к развитию данной концепции оказывается не только наука, но и законодательство. Так, в проекте Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации" [4, 139] (далее - Проект) в числе характерных черт вещного права было предусмотрено, что вещное право может быть нарушено любым лицом (п. 1. ст. 221 ГК РФ в редакции Проекта), а в общей части обязательственного права защита кредитора понималась в контексте неправомерных действий не любого лица, а только должника (ст. 308.4 ГК РФ в редакции Проекта). Как можно предполагать, разработчики Проекта стремились закрепить сложившуюся в научной литературе точку зрения о том, что обязательство, в отличие от вещного права, не может быть нарушено третьим (другим) лицом, не являющимся его стороной, - интервентом [5, 57].

Нарушение договора – разновидность гражданско-правового нарушения, за совершение которого законом или договором предусмотрена ответственность. Это правонарушение выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по договору. Поскольку договор связывает только его сторон, нарушение договора возможно только лицом, состоящим в договорных отношениях и принявшим на себя ту или иную обязанность. Любые действия интервента находятся вне структуры обязательства и установленного им комплекса взаимозависимых прав и обязанностей кредитора и должника. В связи с этим, если мы рассматриваем вмешательство как противоправное действие, то оно нуждается в самостоятельной и автономной квалификации.

Однако если вопрос ответственности третьего лица, вмешивающегося в правоотношения собственности, не вызывает сомнений, с обязательственными правоотношениями вопрос по-прежнему остается дискуссионным. Тем не менее еще в середине XX века О.С. Иоффе отмечал, что относительный характер обязательственных правоотношений не исключает пассивной обязанности третьих лиц, заключающейся в невмешательстве в эти отношения. Но, в отличие от абсолютных правоотношений, у контрагента есть активная обязанность. Третьи лица не должны препятствовать осуществлению кредитором права и исполнению обязанности его контрагентом; но возлагаемая на них обязанность имеет второстепенное значение для управомоченного, по сравнению со значением, которое для него имеет обязанность его контрагента. Иначе говоря, будучи прямой в отношении абсолютных прав, всеобщая пассивна [6, 619]. Таким образом, в идее абсолютной защиты относительных прав кредитора путем деликтного иска нет ничего противоречащего догматике гражданского права.

Интервенция и концепция эффективного нарушения договора

Сущность теории эффективного нарушения договора (efficient breach theory) заключается в том, чтобы ограничить доступные кредитору средства защиты исключительно иском о возмещении убытков (причем лишь предвидимых контрагентом при заключении договора) и не допустить сверхкомпенсационных взысканий (например, возмещения неустойки, которая носит штрафной характер) или исков об исполнении обязательства в натуре. По мнению сторонников данной концепции, это будет способствовать более динамичному гражданскому обороту и развитию конкуренции. При «эффективном нарушении» должник по договору, даже возместив убытки своему первоначальному контрагенту, получит прибыль. Для кредитора по второму договору сделка также будет выгодной, поскольку презюмируется, что он имеет больший интерес в получении предмета договора, чем первоначальный кредитор, поскольку согласился заплатить за него большую цену. К тому же, не стоит забывать о рисках выбора контрагента, которые принимает на себя лицо, вступающее в договорные правоотношения. Соответственно, за неисполнение или ненадлежащее исполнение ответственность должна возлагаться только на таком ненадежном контрагенте.

Однако сомнительным представляется вопрос о возможности реализации данной теории в России. Согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 15 ГК РФ, лицо, право которого нарушено вправе требовать от нарушителя возмещения в размере не меньшим, чем полученные последним доходы. Следовательно, должник, заключив вторую сделку на более выгодных условиях в любом случае должен будет передать полученную от её совершения выгоду первоначальному кредитору, и, следовательно, идея эффективного нарушения договора не будет реализована.

Кроме того, современные ученые-правоведы негативно относятся к идее приведения данной концепции в жизнь. В частности, А.Г. Карапетов отмечает, что ввиду сложности доказывания

убытков (особенно – упущенной выгоды) в российских судах первоначальный кредитор может не получить восстановления своего положения идентичного тому, в котором он оказался бы, если бы договор был исполнен надлежащим образом. Он также отмечает, что допущение этой концепции и её поддержка законодателем приведет к деморализации договорных отношений, а общество, которое не основано на доверии, обречено на упадок, и трудно представить себе развитие экономики в стране, в которой считается за норму неисполнение договорных обязательств [7, 302].

На основе представленных выше рассуждений можно сделать вывод о том, что интервенция не является каким-то институтом и представляет собой набор различных ситуаций, анализ которых может способствовать выработке общих настроек для их дальнейшего успешного разрешения. При этом практике следует избавиться от фобии, связанной с невозможностью использования средств абсолютной защиты относительных правоотношений, а также учитывать, что доктрина эффективного нарушения договора с трудом может быть реализована в условиях российской действительности, а потому также не должна стать препятствием в привлечении интервента к ответственности. Проблема квалификации нарушения, судя по всему, целиком и полностью ляжет на плечи судебной практики, которая в настоящий момент стоит на распутье между признанием действий интервента самостоятельным видом деликта и признанием сделки интервента и должника недействительной по основаниям, предусмотренным статьей 168 и 10 ГК РФ как противоречащей принципу добросовестности.

Библиографический список:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 49. 2001. Ст.4552. Часть 1.
2. Ronald J. Broida & Thomas J. Handler, Tortious Interference with Contract and Prospective Advantage in Illinois, 32 DePaul L. Rev. 325 (1983).
3. Donald C. Dowling Jr. A Contract Theory for a Complex Tort: Limiting Interference with Contract Beyond the Unlawful Means Test. Miami L. Rev. 487 (1986).
4. Алоян, А. Э. Модели абсолютной защиты обязательственных прав //Закон. -2015. - № 8. - С. 138 – 146.
5. Сеницын, С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.03 - гражданское право ; предпринимательское право ; семейное право, международное частное право / С. А. Сеницын ; науч. конс. Е. А. Суханов. -М., 2017. -61 с.- Библиогр. : с. 57 – 61.
6. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву :Из истории цивилистической мысли ; Гражданское правоотношение ; Критика теории "хозяйственного права" /О. С. Иоффе ; Ред. кол. : А. Л. Маковский, О. Ю. Шилохвост ; Московский государственный университета им. М. В. Ломоносова. Кафедра гражданского права юридического факультета. -М.:Статут,2000. -777 с
7. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд. Часть 1 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24-80.

Сергеева Ольга Витольдовна
Sergeeva Olga Vitoldovna

старший преподаватель кафедры криминалистики ФГКОУ ВО ВСИ МВД России.

УДК 340.6

ХАРАКТЕРНЫЕ ТРАВМЫ ВОДИТЕЛЯ ЛЕГКОВОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПРИ ДТП

CHARACTERISTIC INJURIES OF A DRIVER OF A PASSENGER VEHICLE IN ACCIDENT

Аннотация: В данной статье представлены варианты возможных травм водителя легкового транспортного средства при дорожно-транспортных происшествиях, описанные в соответствии с видом и механизмом ДТП.

Abstract: This article presents the options for possible injuries to the driver of a passenger car in road traffic accidents, described in accordance with the type and mechanism of an accident.

Ключевые слова: Водитель, ДТП, автомобиль, травма.

Key words: Driver, accident, car, injury.

Введение

По данным статистики Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП) ежегодно погибает порядка 1,35 миллиона человек. И от 20 до 50 миллионов человек остаются в живых, получая несмертельные травмы, многие из которых приводят к инвалидности.

Самым часто травмируемым органом, по данным российских исследователей, является голова, на нее приходится около 80% всех травм, полученных в результате ДТП. На втором месте находятся травмы ног – 40%. Порядка 30% приходится на повреждения бедренной кости, и 25% - на повреждения позвоночника и грудной клетки.

Самыми нераспространенными, но в то же время наиболее опасными и зачастую оканчивающимися летальным исходом, оказались травмы живота и шеи, на их долю приходится 7% всех травм [3].

Дорожно-транспортное происшествие (ДТП) - событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства (ТС) или с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены ТС, сооружения, грузы, либо причинен иной материальный ущерб.

Выделяют несколько видов ДТП: столкновение, наезд, опрокидывание.

1. Столкновение - происшествие, при котором движущиеся транспортные средства столкнулись между собой или с подвижным составом железной дороги. Столкновения, в свою очередь, подразделяются на лобовые, боковые и касательные.

Лобовое столкновение - это столкновение транспортных средств при встречном движении. К типовым повреждениям ТС при лобовом столкновении относят: деформацию передней части ТС, заклинивание дверей, разбитые стекла, смещение двигателя в сторону салона.

Типовые травмы водителя в результате данного вида ДТП: шейно-позвоночные, черепно-мозговые, травмы живота, грудной клетки, лица, нижних конечностей, резано-колотые раны .

Боковое столкновение - столкновение ТС с боковой стороной другого ТС. Типовые повреждения ТС при боковом столкновении: деформация боковых частей ТС, заклинивание дверей, разбитые стекла, деформация крыши.

Типовые травмы при боковом столкновении: шейно-позвоночные и черепно-мозговые, травмы нижних конечностей, голеней, таза, бедер, живота, лица, переломы ребер, множественные резано-колотые раны.

Касательное столкновение - столкновение транспортных средств боковыми сторонами при встречном движении или движении в одном направлении.

Типовыми повреждениями в данном варианте ДТП обычно являются: деформация соприкоснувшихся боковых частей ТС, заклинивание дверей, разбитые стекла. Типовые травмы в результате касательного столкновения: травмы лица, грудной клетки, живота, переломы ребер, резано-колотые и рваные раны.

2. Наезд – происшествие, при котором движущееся ТС наехало на стоящее или движущееся

другое ТС, на прицеп или полуприцеп, либо на любой другой неподвижный предмет (столб, опора моста, дерево, ограждение и т.д.).

К типовым повреждениям ТС в результате данного вида ДТП относят: деформацию передней части ТС, повреждение ветрового стекла, смещение двигателя в сторону салона.

Травмы, которые чаще всего получает водитель ТС: шейно-позвоночные и черепно-мозговые, травмы лица, грудной клетки, живота, нижних конечностей, многочисленные резано-колотые раны.

3. Опрокидывание – происшествие, в результате которого движущееся ТС опрокинулось.

Как правило, в результате такого происшествия у пострадавшего ТС разбиваются стекла, и значительно деформируются корпус и крыша.

Водитель опрокинувшегося ТС получает черепно-мозговые и шейно-позвоночные травмы, травмы позвоночника и множественные резано-колотые раны [3, 4].

Далее рассмотрим более подробно варианты травм водителя легкового ТС, попавшего в ДТП и механизмы их получения.

Травмы головы.

Травмы головы, или черепно-мозговые травмы (ЧМТ) водителя при ДТП случаются в результате удара о рулевое колесо, лобовое стекло и элементы кузова ТС, о землю или любые другие посторонние предметы за пределами ТС в случае, если водитель вылетел или выпал из кабины автомобиля. Еще одна причина ЧМТ водителя - динамическая нагрузка, возникающая во время удара и вызывающая инерционное движение тела внутри кабины ТС.

Наиболее часто встречающимися травмами головы водителя в результате ДТП являются: закрытые повреждения головного мозга (сотрясение, ушиб или сдавление головного мозга), переломы свода и основания черепа (как открытые, так и закрытые), переломы челюстей.

Смещение больших полушарий головного мозга относительно более фиксированного по сравнению с ними ствола мозга может создать опасное натяжение, в результате которого возможен полный или частичный поперечный разрыв ствола головного мозга [1, 4, 5].

Травмы шеи и позвоночника.

Шейно-позвоночные травмы водителя, попавшего в ДТП, получаются в результате удара о рулевое колесо, лобовое стекло и элементы кузова ТС, в результате удара затылком о препятствие сзади, а также в результате динамической нагрузки при ударе. Как правило, шейно-позвоночные травмы фиксируются вместе с черепно-мозговыми.

Различают переломы позвонков, поперечных отростков, остистых отростков и переломовывихи позвонков [1, 4].

Травмы груди.

Травмы грудной клетки водителя происходят по причине удара о рулевое колесо, элементы кузова ТС, а также по причине сдавления в результате смещения двигателя в сторону салона.

При этом, как правило, наблюдается синдром сдавления груди, вследствие чего часто наступает асфиксия и нарушение сознания. Наружных повреждений может и не быть, иногда обнаруживаются переломы грудины и окончатые переломы ребер. Кроме того, возможно сдавление легких и органов средостения, следствием чего чаще всего оказывается разрыв легочной ткани (по типу надутого бумажного мешка), приводящий к пневмотораксу и разрыв аорты [1, 4, 6].

Травмы живота.

Травмы внутренних органов водителя, попавшего в ДТП, случаются по причине прямого удара о рулевое колесо или об элементы кузова ТС, а также по причине сдавления тела пострадавшего в результате деформации кузова автомобиля и смещения его двигателя в сторону салона.

Повреждения живота могут быть открытые и закрытые. Открытые повреждения, в свою очередь, могут быть проникающими и не проникающими. Из повреждений брюшной стенки наблюдаются ушибы, кровоизлияния в подкожную, предбрюшинную и забрюшинную клетчатку, возможен разрыв мышц передней брюшной стенки. Повреждения внутренних органов чаще бывают множественные (возможны как сдавления, так и разрывы органов). Сразу же, как правило, страдают сосуды, кровоснабжающие селезенку, почку, тонкую кишку, реже страдают соединительнотканное образования (например, круглая связка матки) [1, 4, 5, 6,].

Травмы таза.

Переломы костей таза водителя случаются в результате деформации кузова ТС со смещением двигателя в сторону салона и сдавлением нижней половины туловища водителя и в результате удара

об элементы кузова и приборную панель.

Возможны как изолированные повреждения костей без нарушения целостности тазового кольца, так и переломы с нарушением его целостности.

Удар по бедру вгоняет головку бедренной кости в глубину вертлужной впадины, а распространение динамического повреждающего воздействия на подвздошную кость приводит к перелому таза [1, 4, 6].

Травмы верхних и нижних конечностей.

Повреждения верхних и нижних конечностей водителя во время ДТП случаются по причине удара об элементы кузова, рулевое колесо, педали, переднюю панель ТС, в результате деформации кузова и динамической нагрузки, возникающей в момент удара.

Чаще травмами конечностей оказываются их переломы (открытые, закрытые).

Поскольку перед столкновением голени водителя обычно согнуты, основной удар приходится на его коленные суставы. Если удар приходится на проксимальную часть большеберцовой кости, мышелки бедренной кости соскакивают вперед, приводя к вывиху голени, который, как правило, сопровождается нестабильностью коленного сустава и повреждением подколенного сосудисто-нервного пучка. Если же удар приходится на мышелки бедренной кости, то возможен перелом диафиза бедренной кости или вывих бедра, который нередко сочетается с переломом вертлужной впадины.

Удар от прогнувшейся двери или деформированной передней стойки при боковом столкновении обычно приходится на плечо, предплечье, большой вертел бедренной кости. Удар по верхней части плеча передается на акромиальный конец ключицы, что может вызвать ее перелом в средней трети [1, 4, 5, 6].

Термические ожоги.

Термические ожоги водителя, пострадавшего в ДТП, возникают в результате возгорания его одежды из-за повреждения бензобака и воспламенения горючего. Повреждающим фактором в данном случае выступают горячая жидкость, пламя или расплавленный металл. Ожоги горячими жидкостями, как правило, бывают поверхностными. Ожоги пламенем чаще самые глубокие и тяжелые. Кроме того, возможны ожоги дыхательных путей [1, 4].

Раны.

В результате ДТП у водителей в подавляющем большинстве случаев обнаруживаются различные варианты множественных ранений на теле. Они появляются из-за удара об элементы ТС, о приборную панель, рулевое колесо, лобовое стекло и различные осколки.

Раны водителя могут быть поверхностные, глубокие и проникающие.

В зависимости от того, каким предметом было нанесено ранение, раны могут быть: колотые, резаные, ушибленные, скальпированные и сочетанные [1, 2, 4].

Заключение

В заключении хочется отметить важность не только своевременного оказания первой медицинской помощи пострадавшим в ДТП, но также и важность как можно более быстрого сообщения о случившемся ДТП в соответствующие службы (ГИБДД, аварийно-спасательные формирования и медицинские учреждения).

Анализ аварийности в Российской Федерации показывает, что на первом месте среди причин смерти пострадавших при ДТП являются травмы, не совместимые с жизнью, а на втором - кровотечение, шок, асфиксия, их сочетание и др. причины, приводящие к гибели в первые минуты и даже часы после травмы. Виной тому – длительность промежутка времени между возникновением происшествия, сообщением о пострадавших в нем людях и прибытием спасателей и медицинского персонала на место ДТП.

Как показывает практика, среднее время прохождения сообщения о ДТП в городах составляет от 20 минут до 1 часа, в сельской местности – от 1,5 часов и более. Чем позже прошло сообщение о произошедшем ДТП и пострадавших в нем людях, тем позже на место аварии придут спасатели, медики и работники ГИБДД, тем более несвоевременной будет оказанная ими помощь и наконец, тем выше риск инвалидизирующих травм и летального исхода.

Библиографический список:

1. Галимова В. Р. Организация проведения аварийно-спасательных работ при дорожно-транспортных происшествиях. Учебно-методическое пособие. Под ред. Таутиева Б. М. Владикавказ 2007. – 42с.
2. Государственное учреждение Архангельской области «Служба спасения». Проведение аварийно-спасательных работ при дорожно-транспортных происшествиях. Часть 1. Организация и тактика проведения работ. Учебно-методическое пособие. Архангельск 2010. – 43с.
3. МЧС России. Руководство по ведению аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий с комплектом «Типовых технологических карт разборки транспортных средств, деблокировки и извлечения пострадавших при ликвидации последствий ДТП. Москва 2012.
4. Характерные травмы при ДТП [Электронный ресурс] URL <https://bibiguru.ru/travmy-pri-dtp/> (Дата обращения 6.08. 2019)
5. Нестеров А. В. Состояние вопроса травмы внутри салона автомобиля при ДТП [Электронный ресурс] // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – Хабаровск. 2007 - №82. – С. 10-22 URL <https://www.forens-med.ru/book.php?id=2095> (Дата обращения 6.08.2019)
6. Липкович И. Э. предотвращение травм при автомобильных авариях [Электронный ресурс] / Егорова И. В. // Вестник аграрной науки Дона. – 2017 - № 3 (39). – С. 73-78 URL <https://cyberleninka.ru/article/v/predotvraschenie-travm-pri-avtomobilnyh-avariyah> (Дата обращения 6. 08. 2019)

Лакеева Анастасия Александровна
Lakeeva Anastasia Alexandrovna

Магистрант Тюменского государственного университета, направление «Юриспруденция»

УДК 347.91/.95

ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК: ЦЕЛИ, ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ

CLAIM PROCEDURE: AIMS, QUESTIONS, PROBLEMS

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются основные положения относительно одного из способов досудебного урегулирования споров. Претензионный порядок в большинстве случаев является основным используемым примирительным «орудием» в руках лица, заинтересованного в мирном разрешении спора. Однако несмотря на всю его простоту в процессе возникают затруднения, вопросы и проблемы. В рамках рассуждения автор приходит к главной проблеме исследования – это реальное достижение цели данного досудебного способа урегулирования споров.

Abstract: In the present article the basic provisions concerning one of the methods of pretrial settlement of disputes are considered. In most cases, the claim procedure is the primary means of conciliation used by a person interested in the peaceful settlement of a dispute. However, despite its simplicity in the process, there are difficulties, questions and problems. Within the framework of the discussion the author comes to the main problem of the research it is a real achievement of the aims of this pretrial method of dispute resolution.

Ключевые слова: досудебный порядок, претензия, урегулирование споров, примирительные процедуры, спор.

Keywords: pretrial procedure, claim, dispute settlement, conciliation procedures, dispute.

Во все времена при возникновении отношений различного характера между людьми существовала вероятность того, что появится какая-либо спорная ситуация, приводящая к конфликту между ними и требующая разрешения. Информация, свидетельствующая о росте дел, требующих разрешения, и создающих нагрузку на судебную систему наглядно показывает о необходимости активного применения досудебных способов урегулирования споров. Безусловно, лица, заинтересованные в разрешении противоречий между собой, активно применяют различные способы без обращения в суд, что нельзя не отнести к своеобразным положительным сторонам данного порядка. Однако существует и ряд проблемных и актуальных вопросов, которые несомненно требуют решения. Одним из них является реальность достижения заложенных в институте досудебного урегулирования споров (а именно в одном из его способах) целей, что и становится актуальной проблемой в настоящей работе.

Само по себе урегулирование спора – «термин, относящийся к числу процессов, которые могут быть использованы для разрешения конфликта, спора или претензии» [8]. На современном этапе развития процессуального законодательства отдельные досудебные примирительные процедуры активно применяются сторонами самостоятельно, а в некоторых случаях законодатель устанавливает обязательное требование по их соблюдению (так, например, это предусмотрено Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [1] и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [2]).

Само понятие «досудебный порядок урегулирования споров», «досудебные способы урегулирования споров» - это достаточно широкое понятие, охватывающее большое количество вариантов каким образом стороны могут постараться решить конфликт не прибегая к судебным процедурам. Также важно понимать, что оно определяет период, когда именно происходят предпринимаемые сторонами действия, а именно до суда.

Медникова М.Е. понимает под досудебным урегулированием споров «форму защиты права, совокупность норм и правил, устанавливающих действия сторон по ликвидации конфликта до суда» [5, 43], и выделяет две составляющие: материальную в виде правовых средств урегулирования спора и процессуальную в виде необходимого условия реализации права на судебную защиту. Банников Р.Ю. полагает, что досудебный порядок – это «обязательная несудебная процедура, установленная федеральным законом или предусмотренная договором, соблюдение которой является условием реализации права на иск и последующего рассмотрения и разрешения спора судом» [3, 110].

В каждой стране в виду определенных правовых традиций складываются свои представления, о том каким образом до суда сторонам правоотношений необходимо разрешить возникающие между ними конфликты. В настоящее время в Российской Федерации одним из распространенных досудебных способов является претензионный порядок, под которым понимается «форма защиты прав путем попытки урегулирования спорных вопросов непосредственно между предполагаемыми кредитором и должником по обязательству до передачи дела в государственный суд» [6, 26]. Котлярова В.В. под данным досудебным способом урегулирования спора предполагает «примирительную процедуру в виде самостоятельных действий сторон материального правоотношения по урегулированию спора посредством предъявления претензии и ответа на нее» [4, 63].

Законодатель четко определил ряд категорий споров, где обязательным является применение примирительных процедур, ввиду этого претензионный порядок также может являться как добровольным изъявлением сторон, так и обязательной процедурой при подготовке искового заявления для обращения в суд. Претензия сама по себе представляет собой письменное уведомление одной стороной другую сторону о ее нарушенных правах и невыполненных обязательствах. Она должна носить явный характер, то есть из содержания должно непосредственно следовать о нарушении и негативных последствиях. Не всегда полученный документ с названием «Претензия» можно считать таковой, в тоже время претензионным письмом с четкими требованиями считается и документ без подобного названия.

Основными задачами претензии является «разрешение существующего спора, предупреждение возникновения негативных последствий спора» [7, 162], именно на их достижении строится весь претензионный порядок.

На наш взгляд, одной из проблем данного способа урегулирования спора является то, что для суда достаточным является подтверждение о направлении другой стороне претензионного письма. Однако на практике складывается такая ситуация, что претензия остается не полученной по ряду причин. Формально такой порядок считается соблюденным, так как «риск неполучения поступившей корреспонденции несет адресат» [9], а также как следует из Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 9746/11, представив суду доказательства направления претензионного письма, «претензионный порядок считается соблюденным и основания для оставления без рассмотрения иска отсутствуют» [10]. Но фактически сторонами никакого результата от такой примирительной процедуры получено не будет, только лишь будет открыта возможность обращения в суд по тем категориям споров, где является обязательным применение сторонами примирительных процедур.

После недостижения целей, поставленных при направлении претензионного письма, в основном стороны переходят к стадии обращения в суд с иском о принудительном исполнении требований, которые в досудебном порядке другая сторона выполнить отказалась по какой-либо причине. И тут возникает целесообразный вопрос в формулировании своих требований уже к суду, так как в обязательном порядке последнее должно соотноситься с претензионными требованиями. Зачастую несовпадение просительной части в претензии и просительной части в исковом заявлении влечет принятие решения о несоблюдении досудебного порядка. В этом видится своя логика, так как требовать сторона должна одно и тоже. Нельзя написать в претензионном письме о взыскании задолженности по одному договору, а в исковом – по двум. Так же согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [11], если в отношении суммы основного долга претензионный порядок считается соблюденным, то считается, что он соблюден и в отношении процентов, взыскиваемых на основании ст. 395 Гражданского Кодекса Российской Федерации, и при взыскании неустоек, процентов, предусмотренных ст. 317.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации и т.п. С данной позицией можно согласиться, так как с момента фактического составления и направления претензионного письма и до момента подачи искового заявления в суд может пройти достаточное количество времени, в результате чего сумма той же неустойки возрастает в разы, а угнаться за таким ежедневным изменением, соблюдая досудебный порядок, нереально.

В настоящее время развитие механизмов урегулирования споров является актуальной задачей, так как досудебными способами стороны могут самостоятельно защитить свои нарушенные права. Внедрение примирительных процедур позволяет снизить нагрузку на судей и, как следствие этого,

экономит бюджетные ресурсы и повышает качество осуществления правосудия. Но даже сейчас в стране мало развита культура ведения и использования примирительных процедур и самостоятельность при решении каких-то проблемных вопросов.

Непосредственное предназначение института досудебного урегулирования споров заключается в уменьшении нагрузки на государственные суды, что в разы снижает финансовые и организационные затраты и повышает качество работы судебной системы в целом. Безусловно для спорящих сторон использование таких способов, направленных на урегулирование конфликтных правоотношений, ведет ко многим положительным моментам – это сокращение временных и материальных потерь, сохранение партнерских отношений, их укрепление и формирование базы для дальнейшего сотрудничества, тогда как при обращении в суд подвергается определенным рискам каждый из названных элементов. Необходимо стремиться к такому процессу, когда судебный порядок будет применяться только лишь в исключительных случаях, когда самостоятельными усилиями стороны не могут разрешить спор, а все возможные досудебные способы уже исчерпаны и реально не дали результатов. В этом случае мы сможем уже говорить о высшем уровне делового этикета, о реальной заинтересованности каждого в разрешении проблемы и сохранении партнерских отношений. Однако в настоящее время, к большому сожалению, досудебные способы урегулирования спора видятся как одна из незначительных преград на пути к обращению в суд, что бы кто-то иной, а именно суд, разрешил их конфликт. На самом деле такая позиция не отвечает целям внедрения в процессуальное поле досудебного порядка, его истинное предназначение заключается в «урегулировании спора мирным путем» [4, 62], когда самостоятельными действиями стороны приближаются к ликвидации разногласий во внесудебном порядке.

Библиографический список:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2018) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2019) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
3. Банников Р.Ю. Досудебный порядок урегулирования споров. М.: Инфотропик, 2012. 240 с.
4. Котлярова В.В. К вопросу о понятии досудебного урегулирования споров в цивилистическом процессе // Журнал «Арбитражный и гражданский процесс» № 4. 2018. С. 58-63.
5. Медникова М.Е. Досудебное урегулирование споров в сфере экономической деятельности: проблемы теории и судебной практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 231.
6. Павлова О.А. Институт досудебного порядка урегулирования споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 5. С. 25-29.
7. Пашков Я.А. Проблемы досудебного урегулирования споров в претензионном порядке // Журнал «Вестник Краснодарского университета МВД России» № 3 (37). 2017. С. 162-164.
8. Dispute Resolution Processes // American Bar Association // http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses [Электронный ресурс] (Дата обращения: 19.07.2019 г.).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», № 8, август, 2015.
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 9746/11 по делу № А82-8711/2010-22 // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 2012, № 3.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // «Российская газета», № 70, 04.04.2016.

Мирзоева Эльвира Расимовна**Mirzoeva Elvira Rasimovna**

магистрант

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: ehl1358@yandex.ru

УДК 347.9

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**SUBJECT AND LIMITS OF EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS**

Аннотация: в статье рассматриваются различные подходы к определению понятий «предмет доказывания» и «пределы доказывания», а также анализируется сущность данных правовых категорий и проводится их разграничение.

Abstract: the article discusses various approaches to the definition of the concepts of “subject of proof” and “limits of proof”, as well as analyzes the essence of these legal categories and distinguishes them.

Ключевые слова: предмет доказывания, пределы доказывания, факт, материально-правовой характер, процессуальный характер.

Key words: subject of proof, limits of proof, fact, substantive character, procedural character.

Гражданский процессуальный кодекс РФ, так же как и иные процессуальные кодексы, не приводит дефиницию предмета доказывания. Однако в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, определяющей понятие доказательств, говорится о том, что «суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [2]. В целом, это и есть определение предмета доказывания.

Источниками определения предмета доказывания по каждому конкретному делу являются норма материального права, основание исковых требований и возражений на них. Норма права, регулирующая правоотношение, содержит указание на обстоятельства, которые следует доказать не по конкретному, а по абстрактному делу. Это указание на общие обстоятельства, которые подлежат доказыванию по всем делам данной категории. Например, согласно ст. 151 ГК РФ [1], «если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда». Перечисленные в ст. 151 ГК РФ обстоятельства представляют собой модель предмета доказывания по абстрактному гражданскому делу о компенсации морального вреда.

Основания исковых требований и возражений конкретизируют факты, подлежащие доказыванию по делу. Так, конкретное исковое требование о компенсации морального вреда будет содержать те обстоятельства, которые необходимо доказать по делу.

В науке гражданского процессуального права нет единства мнений относительно определения предмета доказывания. Одни ученые полагают, что предмет доказывания охватывает лишь факты материально-правового характера, другие включают в предмет доказывания факты как материально-правового, так и процессуального характера, а также иные факты. При этом сторонники первой позиции признают необходимость доказывания фактов процессуального характера, но относят эти факты не к предмету, а к пределам доказывания. Наиболее распространенным является взгляд, согласно которому в предмет доказывания входят юридические факты материально-правового характера. Иными словами, те факты, которые перечисляются в нормах материального права, а также в основаниях иска и возражениях на него.

При рассмотрении гражданских дел с помощью судебных доказательств устанавливаются различные по своему характеру и правовому значению факты (обстоятельства):

- юридические факты материально-правового характера, установление которых необходимо для правильного применения нормы материального права, регуливающей спорное правоотношение, и правильного разрешения дела по существу;

- юридические факты процессуально-правового характера, с наличием или отсутствием которых связано право на предъявление иска (например, факт выполнения обязательного

досудебного порядка разрешения спора), прекращение, приостановление производства, совершение иных процессуальных действий;

- доказательственные факты, т.е. факты, которые не имеют самостоятельного юридического значения, но в случае их доказанности с помощью доказательств позволяют сделать вывод о других юридически значимых фактах;

- факты, установление которых необходимо для выполнения воспитательных и предупредительных задач правосудия (например, факты нарушения законности организациями или должностными лицами, что является основанием для вынесения судом частного определения) [12].

На основании выявленных юридических фактов, подлежащих доказыванию, устанавливаются доказательства, без которых невозможно разрешить существующее дело.

Таким образом, предмет доказывания - это совокупность имеющих значение для дела обстоятельств, которые необходимо установить для разрешения существующего дела в суде [3].

Что касается пределов доказывания, то необходимо отметить, что в теории процессуального познания данный вопрос выступает в качестве одного из наиболее сложных и спорных. В источниках приводится справедливое мнение о том, что это наименее устоявшееся понятие теории доказательств [5].

Более того, анализ вопроса о пределах доказывания затруднен отсутствием легального определения данного понятия в связи с его оценочным характером.

Пределы доказывания невозможно ограничить в нормах права однозначно, то есть по стандарту для всех категорий дел, потому что определение пределов доказывания является вопросом факта, задачей рассмотрения каждого конкретного юридического спора.

На протяжении достаточно длительного периода времени в процессуальной литературе предмет и пределы доказывания отождествляли, на что обращали внимание специалисты-процессуалисты [11]. Например, Г.Л. Осокина считает, что судебное познание как вид процессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц имеет четко обозначенные границы или пределы, которые именуются как предмет познания [10].

Однако на сегодняшний день наибольшее распространение получила точка зрения о связи предмета и пределов доказывания как связи цели и средств достижения таковой [7]. К примеру, по этому поводу А.С. Александровым и С.А. Фроловым отмечается, что «если предмет доказывания отвечает на вопрос о направленности доказывания, то пределы доказывания говорят о средствах обеспечения достоверности познания фактов и обстоятельств, составляющих предмет доказывания.

Таким образом, взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между конечным продуктом и средствами его достижения. Доминирующая роль в этом взаимодействии принадлежит предмету доказывания, поскольку именно он составляет объективную предпосылку установления тех или иных пределов доказывания» [4].

В целом пределы доказывания можно определить как границы исследования обстоятельств анализируемого события, вне которых доказывание становится уже лишённым смысла, поэтому его прекращают в связи с отсутствием такой необходимости.

Множество конкурирующих между собой дефиниций связано с тем, что исследователями для определения момента достижения пределов доказывания используются различные критерии. Следует подчеркнуть, что все они исключительно оценочные.

По мнению ряда авторов, пределы доказывания - это необходимая и достаточная совокупность доказательств, которая обеспечивает установление подлежащих доказыванию обстоятельств [13]. «Совокупность доказательств, необходимых в конечном итоге для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и образует пределы исследования, или пределы доказывания», - пишет П.А. Лупинская [9].

Качественная сторона пределов доказывания проявляется во взаимосвязи и непротиворечивости имеющихся доказательств, позволяющих формировать выводы в одном направлении. Устойчивость системы доказательств означает ее способность сохранять свою силу в будущем [8].

По нашему мнению, представляется возможным определить пределы доказывания как необходимую и достаточную совокупность доказательств, которая, будучи собранной по делу, обеспечивает его правильное разрешение путем установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Проблема понятия «пределы доказывания» особенно актуальна в современных условиях состязательного процесса, когда возникает необходимость в разграничении понятий «процессуальное познание» и «доказывание» [6].

Пределы доказывания устанавливает субъект, выдвинувший тезис. Он определяет объем представляемых доказательств, позволяющих, по его мнению, считать факт установленным. Суд же определяет границы, очерчивающие поле, в рамках которого стороны осуществляют доказывание.

При определении пределов судебного разбирательства учитывается специфика доказывания, когда обязанность выполнения их функций лежит на процессуальных сторонах. Суд же создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Судья должен следить, чтобы были правильно намечены внешние пределы исследования, то есть границы, за которые не должно выходить судебное разбирательство в споре.

В завершение следует сказать, что наряду с понятием «предмет доказывания» понятие «пределы доказывания» служит важнейшей характеристикой познавательной деятельности субъектов доказывания, однако законодательное закрепление данного термина достаточно затруднительно на данный момент в силу того, что в каждом конкретном споре устанавливаются различные пределы доказывания.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. - 6 февраля 1996 г. - № 23; 7 февраля 1996 г. - № 24; 8 февраля 1996 г. - № 25; 10 февраля 1996 г. - № 27; СЗ РФ. - 1996 г. № 5 ст. 410; 2018 - № 31 - Ст.4814.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. - 20 ноября 2002 г. - № 220; СЗ РФ. - 2002 г. № 46 ст. 4532; 2018 - №53 - Ст.8488.
3. Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Воложанин В.П. и др.. Гражданский процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. - М.: Статут, 2017. - 702 с.
4. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. - Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. - 176 с.
5. Боруленков Ю.П. Пределы доказывания как категория // Уголовное судопроизводство.- 2014. № 3. - С. 29 - 32.
6. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и прикладные аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. - М., 2014. - 392 с.
7. Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. - М., 1973. - 736 с.
8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. - М., 2012. - 303 с.
9. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. - М., 2006. - 174 с.
10. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. - М., 2008. - 669 с.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1968. - Т. 1. - 470 с.
12. Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. М.К. Треушникова. - М.: Статут, 2014. - 504 с.
13. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учебное пособие. - М., 2008. - 176 с.

Кузнецов Александр Александрович

к.ю.н., доцент кафедры уголовного и гражданского права
Липецкого государственного технического университета

Кузнецов Павел Александрович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных
технологий, механики и оптики

Kuznetsov Alexander Alexandrovich

PhD in law, associate Professor of criminal and civil law Lipetsk state technical University

Kuznetsov Pavel Alexandrovich

Federal state Autonomous educational institution of higher education St. Petersburg national research
University information technology, mechanics and optics

УДК 342.5

**РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****IMPLEMENTATION OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: В статье рассматриваются возможности, которые открывают информационные технологии и инструменты обработки больших объемов информации можно использовать для решения ключевых проблем в обществе, включая вопросы противодействия коррупции.

Annotation: The article discusses the opportunities that open up information technology and tools for processing large amounts of information can be used to solve key problems in society, including anti-corruption issues.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, программно-технические средства, информационные технологии, интеллектуальный анализ данных, антикоррупционные программные инструменты.

Keywords: corruption, anti-corruption, software and hardware, information technology, new methods of data management, data mining, anti-corruption software tools.

Одной из глобальных угроз основам цивилизации является коррупция, которая оказывает негативное влияние на политическую демократию, развитие правового государства, а также основные права и свободы человека и гражданина. Коррупционная составляющая тесно переплелась с системой управления общественными процессами.

Следует отметить, что коррупция существует как проблема, но не как явление.

Механизмы противодействия коррупции должны опираться на современные информационные технологии, которые построены на обработке больших объемов информации, в рамках построения информационного общества [1, 12].

В этой связи, главным и основным направлением реализации национальной безопасности Российской Федерации является противодействие и борьба с коррупцией, особенно в органах государственной власти и управления.

Определено, что противодействие коррупции – это мера защиты общества, государства, основных прав и свобод человека от одного из наиболее опасных видов правонарушения, все более приобретающего транснациональный и организованный характер и требующего для борьбы с ним консолидации всех институтов государства и гражданского общества (Модельный закон «О противодействии коррупции», принятый на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление от 25 ноября 2008 г. № 31-20)) [3].

Одним из важных инструментов противодействия коррупции являются достижения в области современных технологий. Информационные технологии и инструменты открывают большие

возможности для решения ключевых проблем в обществе, включая вопросы противодействия коррупции.

Формирование новых информационных систем и технологий открывают широкие возможности для выявления, предотвращения, а также анализа причин и сопутствующих условий, способствующих коррупции [2, 137].

Организацией Объединенных Наций (ООН) установлено, что более доступные, открытые и качественные данные приведут к улучшению политических решений в обществе, а в итоге это приведет к повышению прозрачности и подотчетности в государственном управлении. В Докладе о целях устойчивого развития за 2016 год сказано, что странам необходимо принять обязательства по обеспечению сбора качественных, доступных и актуальных данных.

Рассмотрим некоторые из антикоррупционных программных инструментов, которые уже используются мировым сообществом в борьбе с коррупцией и для противодействия её составляющим.

Первая информационная технология получила название «Большие данные» (Big Data). Она заключается в формировании подходов, инструментариев и методической обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов для получения необходимых результатов, которые анализируются и воспринимаются пользователем ресурсов.

Технология «Большие данные» (Big Data) формируется посредством повышения процессов автоматизации, точности, частоты процессов обработки поступающей информации. Всё это используется для создания и реализации объективных бизнес-процессов.

Главенствующее место в развитии и использовании этой технологии занимают международные организации, которые занимаются разработкой инновационного программного обеспечения для обнаружения, сдерживания мошеннических действий, криминального сговора и конфликта интересов в ущерб государственным.

В настоящее время технология «Большие данные» (Big Data) активно используется в банковской сфере, в области здравоохранения, торговых операциях и налогообложении юридических и физических лиц. Для получения необходимой информации применяются прогноз, анализ и визуализация, которые определяют тенденции, формируют шаблоны и определяют взаимосвязи в огромных объемах информации и данных.

Говоря простым языком технология «Большие данные» (Big Data) систематизирует имеющиеся данные, распределяет их по категориям и определяет какой информационный массив целесообразно использовать для решения той или иной задачи.

В качестве примера следует привести австралийское налоговое управление, использующее рассматриваемую технологию для поиска необходимой информации в огромном количестве финансовых отчетов для раскрытия данных и получения доказательств использования оффшорных зон и соответствия данных, содержащих информацию о небольших интернет-магазинах, которые не выполняют своих обязательств по уплате налогов [5, 89].

В Российской Федерации технология «Большие данные» (Big Data) получила широкое распространение в банковской сфере для управления рисками и оптимизации затрат, борьбы с мошенничеством, формирования финансовой отчетности.

Коррупционную составляющую сложно выявить коррупцию из-за большого количества имеющихся данных.

Вместе с тем, использование цифровых данных, широкое распространение и популярность технологии «Большие данные» (Big Data) привели к формированию новых методик организации управления информационными ресурсами для профилактики и пресечения мошеннических действий, а также нарушений в государственном секторе.

Проведение аналитического анализа в области прогнозирования и выявления мошенничества теперь позволяет провести идентификацию подозрительных операций в сфере налогообложения, государственных закупок, кредитно-финансовых операций и здравоохранения, как после совершения правонарушения, так и в режиме реального времени. В целях противодействия коррупции уполномоченным правоохранительным органам дается реальная возможность выявить и устранить мошеннические действия, что позволит обеспечить экономию миллиардных средств.

Борьба с коррупцией связана с необходимостью технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining).

Технология интеллектуального анализа данных (Data Mining) реализует не только конкретную

технологии, но и сам процесс поиска закономерностей посредством построения различных математических и статистических алгоритмов. Цель обеспечения такого поиска – представить данные в виде, который будет четко отражать бизнес-процессы, а также формировать модель, при помощи которой можно прогнозировать процессы, критичные для планирования бизнеса [6, 98].

Подобную информационную технологию целесообразно применять в государственных закупках, где интеллектуальный анализ данных (Data Mining) может использоваться в качестве программного продукта для отслеживания действий заказчика (государственной структуры) при подаче заявок, и в последующем для выявления сговоров и ложной информации.

Антикоррупционные программные инструменты, такие как технология Data Mining следует разрабатывать специально для выявления мошенничества и оперативного реагирования на его возникновение. Это программное обеспечение помогает идентифицировать бизнес-проекты, подверженные рискам мошенничества, конфликта интересов или иных нарушений.

Информационные технологии на базе аналитических инструментов (Forensic Tools).

В государственном и частном секторах для определения коррупционных рисков используются аналитические инструменты для аудиторов, такие как Self-Monitoring, Analysis and Reporting Technology (SMART).

Эти информационные инструменты становятся все более совершенными наряду с технологическими достижениями для обработки данных. Они могут проводить анализ транзакций и бизнес-процессов в режиме реального времени, обеспечивать и прогнозировать моделирование, выявлять и обнаруживать правонарушения.

Алгоритмы анализа и оценки рисков заранее может предупредить и остановить неправильно сформированные и сомнительные платежи в процессе осуществления закупок.

В целях укрепления внутренних процессов, предотвращения преступной и мошеннической практики информационные технологии могут с определенной периодичностью проводить исследования проходящих транзакций в формируемых моделях закупок и платежей, осуществлять проверку наличия нарушений, быстро выявлять незаконные финансовые потоки.

Другие преимущества рассматриваемых технологий включают в себя автоматизацию бизнес-процессов, которые удаляют правовые субъекты, например, заключение контрактов с должностными лицами и коррупционные возможности, возникшие в результате проведения закупочных операций.

Данные инструменты направлены на сокращение случаев взяточничества во время совершения операций и могут быть использованы в любой системе. На уровне страны, правительства обеспечивают доступ к данным, тем самым лишая возможности свободы действий. Цель состоит в том, чтобы сделать процессы более прозрачными.

Широкое распространение информационных технологий рассмотренных нами инструментов может создать беспрецедентные возможности для прозрачности и борьбы с коррупцией [6, 24].

Однако внедрение новых информационных технологий не является быстрым решением проблемы. Для эффективного использования рассмотренных нами инструментов, органы власти и управления должны быстро адаптироваться под складывающуюся ситуацию и действовать в зависимости от складывающейся ситуации.

В некоторых случаях финансовые и технические инвестиции в инновации потребуются на всех уровнях его реализации. Важно, чтобы эти изменения произошли в сотрудничестве государственного и частного секторов.

Проведенный анализ информационных технологий позволяет определить следующие их ресурсы для борьбы с коррупцией:

- являются наиболее эффективным средством в области анализа информационных потоков в различных областях деятельности с целью выявления, предупреждения и пресечения коррупционной составляющей в деятельности органов власти и управления;

- позволяют проводить всесторонний анализ бизнес-процессов с целью выявления возможных угроз совершения мошеннических действий и преступных посягательств коррумпированных элементов;

- организация коммуникаций и обмена информации о возможных фактах и угрозах коррумпированных структур и преступных сообществ;

- обеспечивают пользователей необходимой информацией об имеющих место преступных посягательствах, нарушениях в области государственных закупок и исполнения государственных контрактов;

- позволяют анализировать проводимые финансовые операции и транзакции с целью выявления их сомнительного характера и предупреждения нарушений в банковской сфере, борьба с одной из коррупционных составляющих – незаконными финансовыми и банковскими операциями;
- обеспечение прозрачности деятельности органов государственной власти и управления, а также бизнес-процессов по формированию необходимых информационных ресурсов.

Библиографический список:

1. Братановский, С.Н. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в РФ. Монография / С.Н. Братановский. - М.: Проспект, 2017. - **651** с.
2. Игры экономических убийц. Тайный мир международных махинаций и сеть глобальной коррупции / Под редакцией Стивена Хайата. - М.: Претекст, **2016**. - 448 с.
3. Модельный закон «О противодействии коррупции», принятый на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление от 25 ноября 2008 г. № 31-20).
4. Anticorruption in transition. A contribution to the policy debate. The World Bank. Washington, D.C., 2000.
5. Макарычев П. П., Афонин А. Ю. Оперативный и интеллектуальный анализ данных: учеб. пособие. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2010. – 156 с.
6. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономики в Российской Федерации / под общей ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2009. – 216 с.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140